Л.В. Куренев

НА ИЗЛОМАХ СУДЬБЫ

Сборник новых стихов поэта
из посёлка Мортка
Кондинского района ХМАО

Для широкого круга читателей

2021

ББК 84(2Рос-Рус)6-4
К 930

Куренев Л.В.
На изломах судьбы: Новый формат, 2021. – 228 с.

ISBN 978-5-91556-914-9

© Куренев Л.В., 2021

ОТ АВТОРА

Стихи для меня увлечение, появившееся уже в пенсионном возрасте. Поэтому в них довлеет ностальгия по прошлому, по всему, что безвозвратно кануло в вечность, но ещё согревает в минуты душевного неравновесия. Навряд ли это нравится молодому поколению, но говорил же А.С. Пушкин, что «в возраст зрелый и преклонный, на повороте наших лет…», кому-то отдельные строки лягут в сердце, чему буду искренне рад.

Благодарю всех, кто стоял рядом в период моего увлечения поэзией. Без их духовной и материальной поддержки я не смог бы даже прикоснуться к сему нерукотворному творчеству. И не так уж важно кем они были: руководителями коллективов или просто людьми, больными стихами и русской песней. Низкий им поклон. С их помощью я приобщился к гитаре и к исполнению собственных песен на бардовских фестивалях. Некоторые из них вошли в этот сборник,

некоторые осели в песенниках Викентия Ягаловича, Виктора Кардашина, Аркадия Трухина и в репертуарах талантливых музыкантов-исполнителей Сергея Курманбакиева, Александра Васильева и Зои Трач.

Ваш покорный слуга, Леонид Куренев, член литературного объединения «Возрождение» и Российского Союза писателей.

Сны, в которых ты рядом

ИЮЛЬСКАЯ КРАСКА

Ночь плыла невесомо
Над рекой голубой
И со сладкой истомой
Любовалась собой.
Мне казалось, что где-то
Вдруг запела вода,
К ней тропинками лета
Шла хмельная звезда.

Загрустили под вечер
Гроздья алых рябин,
А я молча обвенчан
С королевой седин.
Всё уходит, но память
Режет бритвою сон,
Где я в звёздную замять
Был тобою пленён.

С материнскою лаской
Нас венчала заря,
Ты – июльская краска
Моего сентября.

И ещё не остыла
Та волшебная ночь,
Побыть всё, что было,
Сердцу, видно, невмочь.

А сегодня с гитарой
Я по небу пройдусь,
Привяжу песней старой
К облакам свою грусть.
Суетиться не надо
Мне уже будет там,
Сны, в которых ты рядом,
Никому не отдам.

ВСТРЕЧАЯ ФЕВРАЛЬ

На 18 февраля, день рождения жены

Заблудилась сибирская даль,
в необъятном таёжном лесу,
я её голубую вуаль,
как подарок, в ладонях несу.
Захотелось родное Вчера
хоть нена́долго в сердце вернуть,
посидеть у ночного костра,

от мирской суеты отдохнуть.
Провожая глазами Январь,
я пытаюсь его обогреть,
и, встречая заветный Февраль,
как и прежде, слегка одуреть.
День рождения твой целовать,
несмотря на мороз и метель,
безымянной невесткой назвать
у дороги красавицу-ель.
За ошибки, родная, прости…
Если б мог их резинкой стереть!
Не устану об этом просить
до того, как свечою сгореть.
Лихолетье сожгу на костре,
ты со мной его в пепел зарой,
а когда стану точкой-тире,
возвращусь новогодней игрой.

ГДЕ ТЕБЯ ЦЕЛОВАЛ ДО БОЛИ

За окном разгулялась вьюга,
непутёвой судьбы подруга,
порезвиться на воле хочет,
поутихнет и вновь хохочет.

Снег улыбку с лица сметает,
наши годы с тобою тают,
но Былое ещё искрится,
вот и часто ночами снишься
незабудкой в заветном поле,
где тебя целовал до боли.
По ромашке судьбу гадая,
плыл, казалось, по кромке Рая.

Сколько лет пронеслось, но всё же
ты, как прежде, всего дороже,
потому что и, сам не знаю,
крал тебя у какого сна я.

РАДУГОЙ ЖИЗНИ

Как таинственно лето
В васильковом наряде!
Но не радует это,
Если нет тебя рядом.

Вьётся ль тропка лесная
Иль туманится небо,
О тебе вспоминаю
Снова, где бы я не был.

К серебру на берёзе
Потянулся рукою, –
Ты опять давней грёзой
Отнимаешь покой мой.

Разукрасила землю
Ты собой в этом мире,
Ты и горькое зелье
И целебная лира.

Не смотри, дорогая,
На меня с укоризной, –
Мне навряд ли б другая
Стала радугой жизни,

САМАЯ ЗАВЕТНАЯ

Жене

По весне черёмуху
белую, печальную,
веточками рвём мы все,
но не для венчания.
Вот и плачет милая

в старом палисаднике,
шёл недавно мимо я,
песню написал о ней.

Веточка печальная,
ты всем людям верила,
вот и мне нечаянно
вдруг себя доверила.
Словно припорошена
лепестками светлыми,
ты, моя хорошая,
самая заветная.

Мне в хрустальной вазе ты
оказалась музою,
жизненной оказией,
и моею суженой.
И зимою стылою
ты всегда желанная,
а когда остыну я,
стань мне зорькой алою.

Встречу росной каплею
день без сожаления,
вспомню снова как твои

целовал колени я,
вязью многоточия
бережно уламывал,
ну кому не хочется
выглядеть Уланами.

Если и кольнул, грубя
в суматохе чаяний,
знай, что лишь одну тебя
ревновал отчаянно.

ОДНА ТОЛЬКО ТЫ

Подари мне опять пряный запах черёмух,
всё с годами куда-то теряется, но…
наши встречи из памяти вряд ли сотрём мы,
даже если порвётся любви полотно.

Подари и свой смех, только он сквозь напасти
несказанною радостью в сердце горит,
если ты улыбнёшься, нет большего счастья
и веселье повсюду, как прежде, царит.

Подари мне печаль ту, что сердце тревожит,
я с тобой её выпью до самого дна,
пред тобой упаду на колени и, может,
грусть исчезнет, как в утренней дымке луна.

Подари мне себя, дай тобою напиться,
чтобы вновь закачались у радуг мосты,
я не знаю ещё, чем смогу расплатиться,
но черёмухой сниться всегда будешь ты.

Одна только ты, одна только ты.

***

На изломах судьбы мне стала
наша встреча живою водой,
ты давно в моих снах витала
улыбнувшейся в небе звездой.

Припев:
Как таинственные зарницы,
мне казались твои ресницы,
и, не взвесив года на весах[*]*,*
утонул в заповедных глазах.

---

[*] *Весьма существенно при большой разнице в годах.*

Если вижу ромашку в поле,
то уже не гадаю по ней:
лишь тобою теперь я болен,
эта боль всех недугов сильней.

Ну а вдруг постучится ссора
и откроет сомнениям дверь,
ты их, словно пылинки сора,
молча бросишь в корзину потерь.

МОЁ УКРАШЕНЬЕ

«Я готов целовать песок,
По которому ты ходила»
(Маркин)

Ты – единственная награда
За былое на этом свете,
Скоро мне ничего не надо
Будет, если вдруг кану в Лету.

К сожаленью, иссякли силы
Чтобы пó небу бегать снова,
И у Бога с утра просил я
Дней минувших в конверте новом.

Для себя и тебя, конечно, –
Ты, смотрю, подустала тоже,
Но не гнёшься при ветре встречном,
Даже если мороз по коже.

Сколько помню, меня ты песней
Из кувшина любви поила,
И целуем с тобою вместе
«Рыжий берег с полоской ила».

Стала мне ты лесною речкой,
Любоваться которой рад я.
Но уже наступает вечер,
И прощаться, наверно, надо.

Ты – моё украшенье жизни,
В непогоду тропинка к свету,
Лишь тобой, может быть, и жив я,
Не могу не сказать об этом.

БЛАГОДАРЮ

Благодарю за всё, что было,
за не случайную волну,
когда с тобою оба плыли
в судьбу для нас двоих одну.

Пускай не всё путём сложилось,
бывали дни темнее туч,
ты шла, наматывая жилы
на тающей надежды луч.

Я тоже испытал немало,
порой хотелось волком выть,
но, словно вол, тащил устало
уже бедой задетый быт.

В такие дни с тобою оба
своих не опускали рук,
ты шла за мною сквозь сугробы,
от всех скрывая сердца стук.

Ты и сейчас готова к бою,
со мною вместе, иль одна,
за что вдвойне горжусь тобою,
и пью свою судьбу до дна.

***

Я ж не выдумал тебя,
ты – моё мгновение,
за которое любя,
ухожу в забвение.

Знай, что ты в моей судьбе
счастье и сомнение,
если солоно тебе,
нет и мне везения.

Почему – не знаю сам,
только не случайно же,
ты мне снилась по ночам
песнею венчальною.

И я шёл к тебе давно,
с самого рождения,
мне твоей любви вино
стало наваждением.

Всё, что есть, тебе отдам
я без сожаления,
даже если будешь Там
ветра дуновением.

***

Сердцем, вижу, к тебе приколот
Сквозь бегущие вдаль года,
Не каким-то волшебным словом,
А всего лишь заветным «Да!»

Это слово всегда спасало,
Помню, в трудные времена,
В лихолетье, когда кусалась
Даже собственная страна.

К сожаленью, приемлешь это
Слишком поздно, когда в окно
Постучатся осколки Лета,
О которых забыл давно.

И тогда мне придёшь на помощь,
Знаю, только лишь ты одна,
Чашу жизни собой наполнишь,
Чтобы выпить судьбу до дна.

ВСТРЕЧА СЛУЧАЙНАЯ

Можно ль забыть как в проёме окна
с грустью своей ты беседу вела,
с грустью своею, но всё же одна…
В памяти долго та встреча плыла.

Но появилась однажды во сне,
нежной улыбкой к себе позвала,
и растворилась, как ласковый снег…
Боже, какой ты желанной была!

Сон мой потом посещала не раз
и сквозь него незабудкой плыла,
я в ночь такую не мог сомкнуть глаз,
а ведь та встреча случайной была.

В жизни нельзя обойтись без потерь,
(пусть бы их лучше метель замела),
нам оставляя, на слово поверь,
сладкую боль, что «как сажа бела».

Богом дорога у всех соткана
не для того, чтоб мы жили скорбя,
значит, нечаянно возле окна
встретил совсем не случайно тебя.

***

Жизнь без любви похожа
мне на дождливый день:
всуе тревога гложет,
барыней ходит лень.
А загоришься если
прытью былой на миг,
сердце туманит песня,
как журавлиный крик.

Солнце к закату, вроде,
и вечерять пора,
но говорят в народе:
«худо не без добра».
Вот и живу, как надо,
или как Бог велит:
по расписанью БАДЫ,
если нутро болит.

Только зачем всё это?
Лучше любовный стон,
тот, что зимой и летом
сладко тревожит сон.
Выпущу боль на ветер,
старые раны – прочь,
пусть за любовь ответит
только луна да ночь

***

Что лучше песни под гитару
у полуночного костра,
где стаи звёзд от песен старых
уснуть не могут до утра.
С одной из них готов в обнимку
уйти в таинственную Даль,
на Богу ведомой тропинке
развеять давнюю печаль.
В туманной дымке раствориться,
забыть мирскую суету,
и вновь без памяти влюбиться
в одну единственную ту,
что уж давно ромашкой снилась
в незабываемых лугах,
и безрассудно заблудилась
в моих до боли милых снах.
Она придёт, я верю в это,
тропою лунной над рекой,
и завернёт в Былое лето,
вернув утраченный покой.

СТРУНЫ ТАЙГИ

Стихи, ставшие гимном фестиваля поэзии и авторской песни «Струны тайги» в Мортке

Туманом укрылась ночь,
и с ней непокорный ветер,
который всегда не прочь
резвиться по белу свету.
Пустые слова – в костёр,
навряд ли им барды рады,
лизнул их огонь и стёр,
такая им здесь награда:

Припев:
А «Струны тайги» зовут
туда, где ещё я не был,
тайгу обниму, ведь тут
меж соснами бродит небыль.

Гитара звучит когда
душа обнимает песню,
она говорит нам «да!»
и вновь собирает вместе.

А тем, кто ещё не знал
как много чудес на свете,
не надо искать здесь «нал»,
он бардам, навряд ли, светит.

***

«Судьба – она без узды»
(А. Иванов)

Вечерком у костра в темноте
В сердце просится время былое,
Дни заветного детства и те,
Что виски до безумия ломят.

И захочется видеть опять
То, что было, но кануло в вечность,
Только время не движется вспять,
Хоть и манит таинственный вечер.

Язычки по поленьям ползут,
Освещая всё то, что забыто
И давно отгорело, а тут
Рана старая с картою битой.

Ведь судьба-то – она без узды,
Неизвестно где бросит в канаву,
Позвала б за собой меня ты,
Я теперь так себя не пинал бы.

И, навряд ли б, держался в тени,
А горел, как сухие поленья!
Но, увы, догорают лишь дни,
Где упал с головою в твой плен я.

***

Отшумела гроза, всё вокруг расцвело,
доброй ласточкой просится в двери,
и в нежданно людьми сотворённое зло,
оказалось, не стоило верить.

Припев:
Я об этом гитаре своей расскажу,
на любовь её струны настрою,
а печаль к одинокой сосне привяжу,
будут ведать о ней лишь нас трое.

Потускнеет ранимая сердце молва,
резанувшая острою болью,
и предстанут заведомо злые слова
лишь случайно рассыпанной солью.

Можно прятать обиду в бутылку с вином,
кулаками размазывать слёзы,
но не лучше ль себе самому перед сном
подарить детства давнего грёзы.

ЗАВЯЖИСЬ В УЗЕЛОК

«Завяжись в узелок и
не слушай, что на тебя несут»
(В. Распутин)

Если в сердце печаль,
завяжись в узелок,
завари Иван-чая,
хотя бы глоток.
И печаль назовёт,
хочешь, верь иль не верь,
ту страну, где живёт
суматоха потерь.

Припев:
Суматоху потерь
молча выставь за дверь,
или выбрось в окно,
как плохое вино.

После ночи всегда
наступает рассвет,
а беда – не беда,
если скажешь ей «нет».
Хоть и трудно порой
от неё убежать,
счастье не за горой,
научись только ждать.

ОСТАЛОСЬ МАЛОСТЬ

На 8-е марта

Когда с утра в окно стучится
Невыразимая тоска,
Былое в сердце суетится
Шальною пулей у виска.

И всё становится постылым,
Лениво бродит мутный свет
По размышлениям унылым,
С трудом хранимых книгой лет.

Но стоит милой появиться
И хмурый день сияет вновь,
Светлеют даже злые лица
И веселей играет кровь.

Откуда в женщине, скажите,
Так много страсти и тепла,
Огонь её – источник жизни
Да и любви колокола.

По стародавнему преданью
Она, кто станет отрицать, –
Семьи священное вязанье,
Та нить, которой нет конца.

О, если б мог, все звёзды неба
Своей любимой подарил,
Осталось малость – крылья мне бы,
Но ими Бог не наградил.

***

Опять зима лебяжьим пухом
Легла на кру́жево берёз,
И в декабре уже, по слухам,
Везёт подарки Дед Мороз.
Он со Снегурочкою нежно
Лес окропляет серебром,
И Новый Год Парадом снежным
На карнавал «даёт добро».

Припев:
Снега, снега, кругом снега,
Мои с тобою жемчуга.

В душе по щучьему веленью,
Или по прихоти Богов,
Храню, как чудное мгновенье,
Шальное та́инство снегов.
По чуть заметной лыжной трассе
С былым азартом пробегусь,
И сквозь вуаль таёжных красок
На своё детство оглянусь.

Там снова я заветной песней
Открою двери в ту страну,
Где сам Мороз в укромном месте
Ждёт с тихим трепетом Весну.
Под Новый Год чудес немало,
Повсюду бродит волшебство,
Не зря же, звёздным покрывалом
В окно стучится Рождество.

***

Оглянусь на Прошлое и уйду
В дни минувшие сквозь окно,
Захотелось вдруг на лесном пруду
Прикоснуться к Былому вновь.

На своём пути накопил потерь,
К сожалению, целый воз,
И теперь они ни в какую дверь
Не войдут, куда б их не вёз.

Если б время мог повернуть назад,
Вряд ли стал так судьбой играть,
Для себя б завёл алых вишен сад,
Для тебя – цветочную рать.

Но, что было, всё поросло Быльём,
И его уж пора забыть,
Постирать минувших потерь бельё,
Ко всему, чем горел, остыть.

Надежды
и
сомнения

***

Если летнею ночью не спится,
от раздумий болит голова,
значит, снова с ухмылкой стучится
в дверь колючая злая молва.
От неё непоседливый ветер
заползает тоскою в окно,
и сомнения ржавые петли
рвут со скрежетом сна полотно.

Но не стоит в такие минуты
примерять ветра стылого роль,
даже если сознание смутно
шевельнёт застарелую боль.
И тогда зазвучит птичий гомон,
долгожданная трель соловья,
даже песенки сказочных гномов
у любимого в детстве ручья.

На прохладные летние росы
забредёт молодой звездопад
и захочется пó небу бóсым
пробежаться, как сто лет назад.

И всё чёрное вдруг станет белым,
потускнеет лихая молва,
надо только лишь выкрасить мелом
резанувшие сердце слова.

***

Не прошу я у Вас любви,
лишь хочу тусоваться рядом,
чтоб стихами Ваш стан обвить,
иль случайным коснуться взглядом.

Бесшабашно назвав на «ты»,
окунуться в Былое Лето,
и, хотя сам давно остыл,
загорелся надеждой этой.

Вот и маюсь теперь один,
о заветной мечтая встрече,
до своих дотянул седин,
но они, видно, плохо лечат.

***

У добра есть цена такая:
Любишь тех, кто тебе помог,
Но любовь-то ведь штука злая,
Иногда тычет вилы в бок.

Не случайно же, сердце ноет,
Если милый уже не мил,
Даже в собственные покои
Заходить станет «выше сил».

Вот тогда будет снова сниться
Покосившийся Отчий дом,
Где зимою в мороз синицы
Бойко ссорились под окном.

В сердце тихо нежданным счастьем
Вдруг поселится Благодать,
И захочется сквозь ненастья
За Былое добром воздать.

***

Не надо крупными глотками
успех без всякой меры пить,
порой у самой прочной ткани
от перегрузки рвётся нить.

Гораздо лучше пить со вкусом,
чтобы хотелось пить ещё,
пусть даже тлеет боль укусов,
даримых ласковым хлыщом.

Вон хлеб, когда жуётся долго,
безмерно сладок, как халва,
любви глоток настолько дорог,
что остальное – трын-трава.

Не стоит всюду суетиться
и торопить свою судьбу,
не зря же Бог велит поститься,
воздав излишествам Табу.

***

«Гримасы жизни
порою корчат рожи»
(С. Рассадин)

Гримасы жизни не бессмысленны
и, как всегда, необъяснимы,
но, всуе чертыхаясь мысленно,
в обнимку ходим рядом с ними.

Вот только все из нас по-разному
плетут своей судьбы капризы,
кому-то что не день, то праздники,
иные им лишь пятки лижут.

Мне говорят: «По воле Божией
добро и зло на этом свете»,
а я, поэзией стреноженный,
стал и за них уже в ответе.

Шагая пó небу, не ведаем
какой подвох за поворотом,
и, только впрок наевшись бедами,
опять во всём виним кого-то.

Виним правительство и Путина,
да ненавистного Чубайса,
но ведь дерьмо плывёт, по сути-то,
и в нас самих, как не кривляйся.

Быть может, прямотой обвитая,
такая фраза не прилична,
а вот по мне, сколь не криви душой,
плевать в колодец не этично.

***

До весны ещё жить да жить,
а она уже обещала быть,
нарядилась сосулькой льда,
от неё во рту, словно мёд, вода.

Подобрел и сам Дед-Мороз,
одолел, видать, Старину склероз,
бродит не́хотя средь полей,
забывая позлить холодком людей.

День погожий открыл засов
с тайн, казалось бы, вечных снов,
и весёлый лесной ручей
зайцем выскочил из дремот ночей.

Нацепив на лоб золотой венец,
солнце выспалось, наконец,
в гости Масленицу зовёт,
стар и мал её с нетерпеньем ждёт.

***

Доброе слово и кошке приятно,
злые слова – сердцу острая боль,
с нею кому-то захочется вряд ли
снова показывать свой карамболь*.

Даже очки в современной оправе
прежний покой не помогут сыскать,
можно, конечно, считать себя правым,
но будешь чаще обидой икать.

---

* *Карамболь – удар рикошетом (в бильярде).*

Вскоре возникнут взаимные ссоры,
зашевелится неприязнь в душе,
и разговор без словарного сора
станет совсем невозможен уже.

А ведь, казалось бы, что людям надо:
доброе слово, совет да любовь,
вместо того, вновь гремят канонады,
льётся напрасно славянская кровь.

***

*«Время, как и река, выбрасывает
на берег всякий мусор»*

(А. Иванов)

Время течёт рекой,
Радость и боль уносит,
Вроде настал покой,
А суета на сносях.

Мусор и то гнильё,
Что по воде кружило,
Так же, как и жульё,
Людям навряд ли в жилу.

Вон говорят: «Вода»,
Если слова пустые.
И говорят: «Бог дал!»
Капле воды в пустыне.

Время, как и река,
Тихо всё перемелет,
Если не ждать пока
Опередит Емеля.

***

«Покой нам только снится»
(Куликово поле, А. Блок)

Жизнь бежит без остановки
и торопится вперёд
по тропе, где нет страховки,
а сомнений полон рот.

То безденежьем закрутит,
то любовью захлестнёт
так, что день, подобно ртути,
к заповедной ночи льнёт.

А в пылу любовной страсти
счастье птицею летит,
не успел промолвить: «Здрасьте!»,
к ней проходит аппетит.

И нельзя остановиться,
или в детство повернуть,
нам «покой лишь только снится»,
но к нему всей жизни путь.

***

«Бесшумно уходит время»
(В. Гроссман)

Всё уходит легко, бесшумно,
по дороге на свой Погост,
и не надо бы фразой умной
прихорашивать жизни хвост.

Осознать очень сложно это,
невозможно умом понять
почему так охота летом
стан берёзы рукой обнять.

Часто слышим: «Другое время,
раньше было совсем не то».
Очевидно, скрутило бремя
жизни той, где уж сам никто.

Даже тот, кто в себе уверен,
и, казалось бы, полон сил,
вдруг становится суеверен
ко всему, что «в душе носил».

Ну а время, – оно несётся
по начертанной колее,
мы лишь возле неё пасёмся
серой пылью в туманной мгле.

***

Как-то просто и незаметно
Переехало лето в осень,
И утраты, как злые осы,
Острой болью дорогу ме́тят.

Солнце всё ещё, правда, светит,
Но не так, как бывало прежде,
В дни, когда обнимал надежды,
Даже если и песня спета.

Но…что вдруг оказалось странным –
Время это всего дороже,
Потому и с потухшей рожей
Просыпаемся утром ранним.

Ибо знаем: в былое Лето
Никогда уже не вернуться,
Сколь не пробуй в поклонах гнуться,
Да Всевышнему слать сонеты.

***

«Когда ботинок левый жмёт»
(С. Голубов)

Милы ли Родины просторы
когда ботинок левый жмёт?
Мозоль порой так свет зашторит,
что лишь о ней печётся рот.

Её, как ни старайся, сложно
из тайников души своей
напрячь на путь метаний ложных, –
своя царапина больней.

Ужиться с ней, наверно, можно,
любезно улыбаясь всем,
но только очень осторожно,
чтоб не расклеиться совсем.

А лучше поменять ботинки,
печаль свою ногою пнуть,
и с первой ласковой снежинкой
на горнолыжный склон махнуть.

У СЕБЯ СВОЮ НЕЖНОСТЬ УКРАЛИ

Мы вчера друг на друга орали,
Своим криком затмив Белый свет,
У себя, видно, нежность украли
В запорошенной россыпи лет.

Не смогли ничему научиться
За ушедшие в вечность года,
И беда снова в окна стучится,
Как в морозный январь холода.

Поостыло уже наше Лето,
Потому и твой окрик «Отстань!»
Резанул оглушительным «Вето»,
Свет затмила семейная брань.

И уже не вернуть то, что было,
Даже горстку былого тепла, –
У костра, если пламя остыло,
Плохо греет в ладонях зола.

Мы с тобою любовь потеряли
В круговерти взаимных обид,
У себя свою нежность украли
И на сердце тоска моросит.

***

Мы ценим лишь то, что теряем
дорогой судьбы навсегда,
и память о том, догорая,
по сердцу скребнёт иногда.

Всё в мире не вечно и время
расставит все точки над «и»,
но прежней романтики бремя
не сможет покой обрести.

В пылу суетливого спора
стараемся плетью огреть
своих оппонентов, но ссоры,
увы, продолжают гореть.

Тогда вновь поддержку у Бога
вымаливаем для себя,
внезапно застыв у порога
того, кто грустил без тебя.

Вот тут бы задуматься впору
о том как живёт старый друг:
зря, может, был спущен под гору
утраченной верности круг.

***

Всё возможно потерять:
деньги, дом, семью, здоровье,
но из всех земных утрат
память всё-таки дороже.

Как стереть свою любовь,
ожидания, надежды,
колдовство волшебных слов
самой ласковой и нежной!

Очень долго будет тлеть
череда былых метаний,
ты заснёшь, она, как плеть,
резанёт сквозь расстоянья.

И в душе оставит след
расставания отравы,
ничего больнее нет
в сердце спрятавшейся раны.

Не уходит никуда
эта боль воспоминаний,
и в преклонные года
греет ра́дужными снами.

***

Трудно из жизни своей что-то вычеркнуть,
Даже былую утихшую боль,
Может, кому-то покажется вычурным,
Но это вечно живущая моль.

Можно, конечно, забыть о ней временно,
Если нежданно забрезжит успех
И загореться любимым творением,
Но всё не вечно, как горе и смех.

Но иногда вдруг совсем неожиданно
Сердце уснувшее смутно кольнёт
Теми потерями, коими живы мы…
Знать бы, что это когда-то всплывёт!

Только зачем и кому это надобно,
Жизнь состоит из наград и потерь,
Их невозможно украсить помадою
Иль занавесить шелками портьер.

***

«Сердце забилось,
как поросёнок в мешке»
(С. Голубов)

Как поросёнок в мешке,
сердце в груди забилось:
видел во сне Ташкент,
всё, что уже забыл я.

Там полюбил Чимган*
в снежном убранстве склоны,
он, как девичий стан,
за́стил мне все иконы.

Стала такой родной
горных вершин прохлада,
что не хочу иной
в жизни своей награды.

Можно душой остыть,
пусть даже время лечит,
а мне тоскливо жить,
если Чимган далече.

---

* *Горнолыжная база вблизи Ташкента.*

ЗАВИСТИ МЕДАЛЬОН

«Никогда никому не прощалось,
если в своём деле вырвался вперёд»
(В. Распутин)

Никогда никому не прощалось
то, что в жизни других обошёл.
Вряд ли можно увидеть пощаду
от того, кто в твоей тени шёл.

Словно ржавчина, зависть упрямо
будет видимость дружбы съедать,
и однажды захочется прямо
«всем и вся по заслугам воздать».

И, хотя друга пачкать негоже,
но к тебе охладеет и он,
если станет «шагреневой кожей»
прежней зависти медальон.

С КОЛОДОЙ КРАПЛЁНЫХ КАРТ

Ничего нет больней обиды
от недавних своих друзей,
можно спрятать её для виду,
но она станет только злей.

Испоганит добро, представит
откровенность в твоих словах
так, что белое чёрным станет,
и в душе затаится страх.

Холод лезвия горьких мыслей
прикоснётся своей щекой,
и тоска пеленой повиснет,
как молитва за Упокой.

Потускнеют и дни и ночи,
заслоняя былой азарт,
видно, верность ценил не очень
друг с колодой краплёных карт.

***

Всё приемлю: печаль и разлуку,
Лишь коварство объять не могу,
Я его, как несчастного Кука,
На съеденье отдал бы врагу.

Ведь беда-то порой невидима,
Ходит рядом, в обнимку и врозь,
Вот и вроде случайная льдина
Ковырнула Титаник насквозь.

Но к чему это я? Сам не знаю,
Только хитрых ужей сторонюсь,
Их, заметив в траве, не пинаю,
Эту тварь, если честно, боюсь.

СКВОЗЬ СВОЙ НЕУСПЕХ

«Чем больше клевещут,
тем чище душа»
(Никита Михалков)

Чем больше клевещут, тем чище душа,
сказал Михалков однажды,
к тому ж, у кого на счету «ни шиша»,
любая одежда в саже.

Клевещут, как правило, чаще на тех,
кто сам не приемлет подлость,
кто горе чужое сквозь свой неуспех
готов разделить «по полной».

Такие ведь сами врагу насолить,
как правило, вряд ли смогут,
но могут, «сорвавшись с цепи», вспылить,
себе же во вред, в итоге.

Они беззащитны и даже смешны,
и со стороны – убоги,
на самом же деле, лишь кто без «мошны»,
действительно верит в Бога.

***

Ночь на исходе, никак не усну я,
бритвой обида вчера полоснула,
и всё хорошее вдруг заслонила,
чаша житейская стала не мила.

Ты улыбнёшься – я тебе тоже,
горе выплёскивать людям негоже,
лучше надеть добродушия маску,
жизнь далеко не красивая сказка.

Мне состраданье чужое не нужно,
боль и сомнения спрячу поглубже,
если печаль налетит чёрной тучей,
сделаю вид, что всё это «до кучи».

Вот уже годы роятся устало,
да и осталось их, видимо, мало,
и, тем не менее, стоит ли охать,
беды пройдут, как ни было плохо.

***

Отшумела гроза, всё вокруг расцвело,
доброй ласточкой просится в двери,
и в нежданно людьми сотворённое зло,
оказалось, не стоило верить.

Припев:
Я об этом гитаре своей расскажу,
на любовь её струны настрою,
а печаль к одинокой сосне привяжу,
будут ведать о ней лишь нас трое.

Потускнеет ранимая сердце молва,
резанувшая острою болью,
и предстанут заведомо злые слова
лишь случайно рассыпанной солью.

Можно прятать обиду в бутылку с вином,
кулаками размазывать слёзы,
но не лучше ль себе самому перед сном
подарить заповедные грёзы.

ПО БАБЬИ

Глазами жены

Где отыскать такую песню,
чтоб о своей любви сказать,
хотя давно с тобою вместе,
тебя лишь хочется обнять.

Я ждать тебя не перестану
и в светлый праздник и в беду,
а если вновь придёшь усталый,
руками горе отведу.

Своей улыбкой обогрею,
домашним напою теплом,
по-бабьи просто пожалею
и растоплю обиды ком.

За всё хочу сказать спасибо,
за наш уют и за детей,
пред свечкою шепнув: «Спаси, Бог,
от сглазу и дурных вестей».

***

«Молчание это особая форма разговора»
(А. Иванов)

С годами лишь истину понял простую:
Нельзя на противника в гневе кричать,
Об этом я слышал, но время впустую
Терял там, где надо уметь промолчать.

Молчанье, наверное, суть разговора,
Его содержания главная нить,
Но с пеной у рта вместо этого спорим,
Стараясь кого-то во всём обвинить.

Ведь в споре теряется значимость слова,
Она, как ни странно, в звенящей тиши
Порой резанёт так, что хочется снова
Утихшую боль без конца ворошить.

Молчаньем сказать можно красноречиво
О горе, о радости, и о любви,
Надежду на счастье в осенней ночи я
Не раз, вспоминаю, глазами ловил.

***

Сколько лет миновало, пора бы
научиться улиткою жить,
петь начальству одни дифирамбы,
и со всеми пушистеньким быть.

Никогда и ни с кем не ругаться,
и в глаза говорить лишь о том,
что так радует слух – о богатстве,
даже если и ждёт «суп с котом».

Как увидишь, что кто-то слукавил
и всё выставил наоборот,
промолчать лучше, ибо веками
выживал лишь совсем слепой крот.

А когда всем суёшь свою правду,
иль противника рубишь с плеча,
вряд ли будешь в глазах людей правым,
как бы громко о том не кричал.

КОГДА СВОЙ ЯЗЫК МЕШАЕТ

Как важно услышать не только то,
О чём рассуждают люди,
Они ж не расскажут нигде о том,
Что прячут в своей запруде.

Известно, что в споре не всем дано
Проникнуть в чужие мысли,
Особенно если уже давно
Противник в лавровых листьях.

В сердцах мы готовы хлестнуть кнутом,
Сгорая в потоке гнева,
Хотя было б лучше ему тайком
Расставить хвалебный невод.

И сразу же всё на свои места
Без лишней натуги встанет:
Любая улыбка и мёд в устах
Сильнее булатной стали.

Не зря ж говорят: «Надо быть умней,
Не хлопать зазря ушами»,
Ведь сердце – не камень, ему больней
Когда свой язык мешает.

***

Уменье льстить и людям нравиться –
вот кладезь жизненных начал,
чем выше дифирамб во здравие,
тем явственней щедрот причал.

Умелый льстец не погнушается
болонку шефа целовать,
ей комплимент не помешает ведь
приятелем хорошим стать.

Кого? Конечно же, хозяина,
он, как-никак, источник благ
и судьбоносного вязания
успеха в стане бедолаг.

Вестимо, похвала всем надобна,
для всех она как свежий лак,
она как снег, покрывший нáбело
дерьмом наполненный овраг.

С УЛЫБКОЙ

Смейтесь, пойте и танцуйте,
в дверь гоните свою грусть,
в окнах счастье нарисуйте,
лишь оно стучится пусть.

Не стареет тот, кто весел,
на погоду не брюзжит,
тот, кто радуется песне,
и кто просто любит жизнь.

Даже если друг обидел,
в споре палку перегнул,
хорошо, хотя б для виду,
эту боль ногою пнуть.

В жизни всё не так уж плохо,
худа нету без добра,
лучше, чем повсюду охать,
встать с улыбкою с утра.

Позабыв свои невзгоды,
на печаль рукой махнуть,
и, обняв седые годы,
снова в детство заглянуть.

***

Скажи, сколько весят любовь и мечты,
А сколько лукавые речи,
От коих ржавеют свиданий мосты,
Беднеют счастливые встречи.

На сколько же вытянут козни врагов,
Ожоги измен и интриги,
Стереть очень трудно следы от рогов,
Беспечно женою даримых.

Скажи, сколько весит обида друзей,
С годами остывшая верность,
Её наша память хранит, как музей
С рассохшейся старою дверью.

Скажи, сколько весит людская вражда
И пустопорожние ссоры,
Когда пеленою в душе холода
И груды словарного сора.

Легко это взвесить за чьей-то спиной,
Как хлам, на верёвку повесить,
А лучше окрасить своею виной,
Но только без слёз и депрессий.

***

«Слово это масло в светильнике»
(А. Весёлый)

Слово, как масло в *светильнике*,
пламенем адским горит,
если опять супротивник твой
где-то неправду творит.

Хочется сунуть в лицо ему
всё, что копилось в душе,
гневом своим окольцована,
вряд ли лизнёшь ему шерсть.

Тихою злобою намертво
бьются о стенку слова,
но, как остынешь от накипи,
скажешь: «Была не права».

***

«Старость рассыпалась по жилам,
как сухой песок»

(А. Солженицын)

Старость пришла порошею,
в жилах сухой песок,
вряд ли с такою ношею
снова забродит сок.

Но понимаем это мы,
если грядёт беда,
вновь на погоду сетуя,
да на свои года.

Скинуть с себя немного б их,
ну хоть с десяток лет,
но только Богу богово,
нам же – Святой Завет.

Там хорошо описано
как без греха прожить,
но, если годы списаны,
в сердце туман лежит.

И невозможно бе́ды все
выпроводить за дверь,
но вот об этом ведаем
только в момент потерь.

***

Те, кто пишут стихи, все мечтают,
хоть немного известными стать,
только слава всегда быстро тает,
у неё же строптивая стать.

Прилетит, словно ветер, закружит,
и умчится в туманную даль,
лишь сомненье оставит на ужин,
да привычную сердцу печаль.

А порою вернётся и снова,
словно мать, поцелует в висок,
за единое доброе слово
пьём её, как берёзовый сок.

Слава – слишком капризная дама,
на неё надо вечно «пахать»,
и нередко душевная драма
ждёт в тени стихотворную рать.

БЫТЬ БЫ ЖИВУ

Гибнет страна понемногу от пьянства,
стала привычной уже эта боль,
пьют самогон и не только, – лекарства,
в коих, хоть чуточку, есть алкоголь.
Курят уже даже малые дети,
на́прочь теряя здоровье своё,
но никого нет за это в ответе:
нам, россиянам, дозволено всё.
Мне говорят: «Воссияла свобода
и что запрет ничего не даёт»,
так почему же рожают уродов
те, кто за зелье себя продаёт?
В моду вошли трафареты-наколки,
с телеэкрана – насилие, секс,
стало не трудно «подсесть на иголку»,
(Бог да простит сей пани́ческий текст!)
Да и рекламою движет нажива,
не помогает житейский совет,
нам не до жиру теперь, быть бы живу,
нам бы сказать бесшабашности «нет».
Хочется верить: сие быстротечно,
наша распущенность вскоре пройдёт,
если об этом былинные речи
попросту вынести на эшафот.

***

Устали мы уже бороться
со всем, что отравляет быт,
и превратились в ратоборцев
с девизом «Быть или не быть!»
То мы воюем с бездорожьем,
то с урожаем, то с вином,
но воевать всегда дороже:
там, где война, там и погром.
Смешон запрет для наркомана,
под кайфом много легче жить,
в плену смердящего дурмана
семьёй никто не дорожит.
Хотя Минздрав предупреждает,
что никотин здоровью враг,
продажа табака не тает,
наоборот, растёт, как рак.
Официально запрещают
курить в общественных местах,
но вряд ли это помешает
дымить с улыбкой на устах.
Остановить порок запретом
не удавалось до сих пор,
на всё, что держат под секретом,

всегда найдёт отмычку вор.
И потому, с ним не бороться,
а надо молча взять Обет:
от болтовни избавить рот свой,
обняв решительное «нет».

***

Никогда не погаснет истина:
Подвывают во тьме шакалы
Только сильному, чтобы выстоять
В дележе дармового сала.

Обратить на себя внимание
Больше всех норовят «шестёрки»,
Те, что ради лихого звания
Совесть могут продать и чёрту.

И, повизгивая, всё сделают,
Чтоб душой повернуться вправо,
Если надо, вновь станут левыми,
Аплодируя шефу: «Браво!»

***

О теракте в Санкт-Петербурге
3.04.2010 г.
(глазами очевидца)

Было всё в Метро как обычно,
Ничего не сулило беду,
Я, листая журнал, привычно
Сны досматривал на ходу.

Симпатичная дама мило
Прикоснулась своим плечом,
Но упала с потухшей миной,
Словно кто-то хлестнул бичом.

Разорвал тишину плач детский:
«Мама, мама, не умирай!»,
И казалось, что чаша бедствий
Опрокинулась через край.

Вопли: «Больно же, помогите!»
Отовсюду уже неслись,
Мой сосед застонал: «Бегите!»
И дрожал, как осенний лист.

Охватил неподдельный ужас
Всех, кто ехал в вагоне том,
Кто-то ползал в кровавой луже,
Осеняя себя Крестом.

Резанул затаённой болью
Раздирающий ду́шу крик,
Рядом, вижу, совсем безвольно
На пол странно осел старик.

Длилось это, казалось, вечно,
А, быть может, и было так,
Но какой-то тропою млечной
Осознанье пришло:… теракт.

Всю страну всколыхнуло это
Злодеяние упырей,
Коих вряд ли на Белом свете
Ждёт прощение матерей.

И каким-то веленьем Божьим,
(А иначе могло ли быть?)
Люди стали себя «итожить»,
Чтоб тот страх навсегда забыть.

***

Я покрылся налётом времени,
на плечах – раздумий туман,
и всё чаще в такой поре моей
попадаю в самообман.

По ухабам уже не прыгаю,
осторожно себя несу,
даже сахар в крови барыгою
стал прикидывать на весу.

Иногда ещё всё же хочется
пробежаться по облакам,
но спешит эта прыть не очень-то
резвость прежнюю дать ногам.

Чёрной тучей ползут сомнения,
с головой ухожу в стакан,
и под кайфом стихосложения
пью с поэзией свой роман.

***

«Подальше держись от грязи»
(А. Иванов)

Коль хочешь остаться чистым,
Подальше держись от грязи,
От ныне успешной мрази,
Пусть даже в лавровых листьях.

Её нелегко заметить:
В богатой на вид оправе
Изящно блестит отрава,
Особенно в ярком свете.

Я тоже не раз обманут
Бывал красотой словарной,
Пьянея от фраз коварных,
Бродил, как в густом тумане.

От них отмываться долго,
Мучительно приходилось,
И даже вчера приснилось,
Что стал бурлаком на Волге.

НЕВИДИМЫМИ ГВОЗДЯМИ

«У детей надо учиться, а не их учить»
(А. Гордон)

Дети наши в единый узел
Часто семьи вязать умеют,
Видя это, мы вдруг немеем,
Оказавшись в житейской луже.

Сын настойчиво лезет к папе,
Донимая его, как может,
И у папы от счастья тоже
Слёзы рвутся в колени капать.

А дочурка прижмётся к маме,
Проворкует: «Пора мириться!» –
У родителей сразу лица
Незаметно светлеют сами.

Так, невидимыми гвоздями,
Прибивая сердца друг к другу,
Отвергая супругов ругань,
Наши дети взрослеют сами.

Так откуда, скажите, это?
Не иначе, идёт от Бога,
Только жаль, что сии Итоги
Видим лишь на исходе Лета.

***

Удивительна всё-таки жизнь
Вряд ли есть что-то более ценное,
А мы всё почему-то брюзжим,
Что цветами она не усеяна.

Вот и хмуримся в солнечный день,
На погоду, как водится, сéтуем,
Да пытаемся тень на плетень
Наводить, если что-то «не светит нам».

И от зависти сходим с ума,
Сторонясь даже лучика светлого,
Но, когда в сердце только зима,
Вновь торопимся в детство заветное.

Удивительна жизнь, но её
Невозможно прожить без страдания.
Ну и пусть! Мы сегодня споём
О любви и о первом свидании.

***

Ты ещё молода, красива,
И готова скакать, как лань,
Но, скажи, где тебя носило
В дни, когда мной кроилась ткань.

Та, в которой теперь ты гордо
Выставляешься напоказ,
А я ласково сунут мордой,
Как мне кажется, в унитаз.

Хоть и больно смотреть на это,
От судьбы своей не уйдёшь:
Если веет прохладой лето,
Вянет стойкая в поле рожь.

В мире этом ничто не вечно,
А, тем более, красота,
Незаметно наступит вечер,
И ты станешь уже не та.

Станут новые лани круче,
И ты будешь с тоской смотреть
Как беспечно порхают тучи
Там, где можно ещё гореть.

Каждый ходит, увы, под Богом,
Обнимая своё «Пока»,
Тот, кто молод, и кто убогий,
Сквозь плывущие в Даль века.

***

Ты решила сломить мой дух,
И, при этом, весьма умело,
Вон уж вижу г…но от мух
У себя на рубашке белой.

Вероятно, я был не прав,
Можешь этим теперь гордиться,
И, навязывая свой нрав,
В доброхоты ко всем рядиться.

Я не знаю как дальше жить,
Как ходить со своею раной
По канату из тонких жил.
Лучше б сгинуть, но вроде рано.

Не окончен ещё роман
С дорогой мне стихирной вязью,
И, пусть это самообман,
Завершить его всё ж обязан.

Чтоб согрело меня теплом
Заповедное сердцу слово,
От которого перед сном,
Наконец-то, оттаю снова.

***

Как-то странно туман закачался,
Словно мутная пена в волнах,
Ныне я это видеть всё чаще
Стал в тревожных загадочных снах.

А, быть может, крадётся расплата
За нытьё, чем уже занемог,
За былые лихие утраты,
За всё то, что исполнить не смог.

Много, всё-таки, всплыло вдруг мути.
Трудно ль было её избежать?
Но дороги судьбы-то, по сути,
Вряд ли можно самим выбирать.

Говорят, что судьбу не обманешь,
Сколь не пробуй её обойти,
Вот и надо, как только устанешь,
Оглянуться назад с полпути.

***

«Каждый топчет свою тропинку»
(В. Распутин)

Каждый топчет свою тропинку,
Даже если едва видна,
Ведь любая на ней травинка,
Нам, по сути, судьбой дана.

Сколько ми́нуло лет! Пора бы
Всё, что было, давно забыть,
Я ж, увидев её, вновь рад был
Вспомнить юную в детстве прыть.

Ту, с которою бесшабашно
Синей птицей во мгле летал,
И, хоть было немного страшно,
На усталость в ногах плевал.

Жизнь прошла, на её пороге
Можно взвесить ошибок груз,
Непутёвой судьбы Итоги,
Где хранится заветный туз.

Пусть он будет не очень сладок,
Всё приемлю, как снега хруст,
Одного лишь уже не надо –
Шевельнувшую сердце грусть.

Посвящается
друзьям,
соратникам

НЕТ НА СВЕТЕ НАГРАДЫ МИЛЕЙ

На юбилей ДК посёлка Мортка

Не люблю юбилейные даты,
В них сквозит вереница потерь.
Как-никак, это только заплаты
На кафтане истлевших премьер.

Но сегодня воистину праздник,
О котором нельзя умолчать,
Я хочу его доброю фразой
Да и песней хорошей венчать.

Как не вспомнить о тех, кто когда-то
У истоков культуры стоял,
Кто в лесу, как былые солдаты,
Лесорубов мечтой согревал!

И хотя многих нет здесь, осталось
Их наследие в наших сердцах,
На хрустящем морозе мечтали
Все они о прекрасных дворцах.

Клименков, Нина Тю́нис, Смирнова,
Зачинатели клубных работ,
К нам сегодня как будто бы снова
Прикоснулись рукою и вот

В зауральской таёжной глубинке,
Где недавно лишь ветер стонал,
Есть уже неземные «былинки»,
О которых Рычков так мечтал.

Где старинную русскую песню
Обнимают, как добрую мать,
Где кружки всевозможные в чести,
А народ любит петь и плясать.

В общем, есть чем сегодня гордиться
Мортке в свой золотой юбилей.
Если в чём-то и я пригодился, –
Нет на свете награды милей.

ОДА ЖЕНЩИНАМ ДК МОРТКИ

Нам без женщин жить на свете
Невозможно, это факт,
Лишь они за всё в ответе:
За любовь и за инфаркт.

По хозяйственной ли части,
Если честно, к нам без них
Не заглядывает счастье,
День без женщин вял и лих.

И представить ныне трудно,
Чтоб командовали здесь
Мужики работой клубной,
Где проблем всегда не счесть.

Вообще, они же могут,
Откровенно говоря,
Преждевременные роды
Вызвать даже у рубля.

У того повсюду кризис,
Говорят, по всей стране,
А ДК, я это вижу,
как и прежде, «на коне».

Всё идёт обычным ходом,
Люди пляшут и поют,
А попросят – хороводом,
как всегда, рекорды бьют.

Вам, поверьте, в день весенний
Так и хочется сказать:
«Лишь под Вашей милой сенью
Можем что-то доказать.

Мы без Вас, как день без солнца,
Мы без Вас, как ночь без сна,
Мушкетёры без гасконца,
Как прохладная весна».

Трудно выразить словами
Сей волнительный сонет,
Но мы живы только Вами,
Нам без Вас и счастья нет.

С ГОДОМ СВИНЬИ!

Мы сегодня, как и прежде,
Отмечаем Новый год,
В сердце теплится надежда,
Что он счастье принесёт.

А, быть может, и здоровье,
Нам оно всего важней,
Ждём его, как ждут, не скрою,
Лишь в колхозе трудодней.

Все, кто ныне в этом зале,
Отработали своё,
Но не ныли, не стонали
На своё житьё-бытьё,

Вот смотрю я на Белькову,
Для меня она – герой,
В председательских оковах,
Но за всех селян горой.

Открывает сердце людям,
И, хотя она не маг,
(Дифирамбы петь не будем),
Не за деньги, а за так.

Рядом с нею, посмотрите,
Все такие ж, как она:
Лихо в жизненном корыте,
А душа добром полна.

Даже в снежную погоду
Я б их всех расцеловал,
Но скрипят былые годы:
Всё своё оттанцевал.

Так давайте ж дружно встретим
Нашу милую свинью,
Хорошо б её заметить
В новом праздничном меню!

В ЗОЛОТУЮ МЕККУ

Когда на душе пурга,
Не стоит бежать в аптеку, –
Растают зимой снега
И беды в библиотеке.

Там с книгой в руках уплыть
Могу я в любые страны,
И даже от ран остыть
В плену своего романа.

Мне так хорошо всегда
В том милом, заветном детстве,
Где тихо журчит вода
По камушкам королевства.

И кажется, только там
От прежней страны Советов
Остался «лесной бальзам»,
Пронизанный книжным светом.

Уходит в забвенье то,
Что прежде слыло́ богатством,
По мне ж, Есенина том
Важнее любого братства.

Я с полки его беру
С великим почтеньем в руки,
Лишь этакому перу
Подвластны любовь и муки.

Возможно ль сие сравнить
С какой-либо жаждой власти?
Навряд ли, поэзий нить
Подобна любовной страсти.

Поэтому и бегу
С волненьем в библиотеку:
Лишь там отыскать могу
Свою золотую Мекку.

НА ЮБИЛЕЙ РАЙОННОЙ ГАЗЕТЫ

Знаю, любят не все «Районку,
Дескать, мало в ней острых тем,
Но она же, как лошадь в гонке
Тех же самых, увы, проблем.

Зачастую в галопе этом
Не всегда можно всё успеть,
Но возможно ль в своей газете
Оду людям Конды не спеть!

И, пока кровь течёт по венам,
Сор пером выгребать со дна,
А писать, если откровенно,
Так лишь только на злобу дня.

Коль придёт беда, без помады
На страницы влить чью-то грусть,
И попутно, при этом, надо
Не забыть и Святую Русь.

Ну а тем же, кто любит ссоры,
Захотелось совет свой дать:
Чем всё время копаться в соре,
Лучше в поле цветов нарвать.

БОЖЕСТВЕННЫМ СВЕТОМ

Или ОДА Центру ОВП в Мулымье

На юге, я слышал, всегда зимой лето,
И солнце совсем не такое, как здесь,
Но только, скажите, зачем мне всё это,
Когда отсырел уже порох-то весь.
Сейчас мне здоровья хотя бы немного,
Как было недавно, лет сорок назад,
Маячат уже пред глазами Итоги,
Становишься каждой отдушине рад.
Не зная, какое лечение будет,
Я в Мулымью съездить давненько хотел,
Да пусть меня строго сосед не осудит,
Что верою этой не шибко горел.
Шикарных условий там, право же, нету,
Там всё для широких, наверное, масс,
Но мне показалось: божественным светом
Из Центра повеяло сразу на нас.
И это не блеф, никакое не чудо,
В нём просто работает медперсонал,
К которому едут из Округа люди,
Прошедшие каждый свой лесоповал.
В ходу там леченье и доброе слово,

Простой, но единственно верный совет,
Такой, от которого хочется снова
До боли любить нам дарованный свет.
Так вот почему люди в Мулымью едут
И всюду о ней дифирамбы поют:
Там лечат душой своей хвори и беды,
Зря воду на мельницу жизни не льют.

ОТ МОБИЛ ОТДОХНУТЬ

В связи с открытием тренажёрного комплекса в Мортке

Если ты увлекаешься бегом,
Иль хотя б скандинавской ходьбой,
Избегаешь лукавую негу,
Значит, сердцем ещё молодой.

Ну а если в спорткомплекс заглянешь,
С тренажёром захочется жить,
Наведёшь на живот юный глянец
И на всё, чем пора дорожить:

Старикам резво бегать по небу,
Молодым от мобил отдохнуть,
Может, это для скептиков небыль,
Я хотел бы в неё завернуть.

В СЕМЕЙНОМ КОЛЬЕ

Петровой Тамаре в день её 60-летия
(глазами её сестры Татьяны)

Я, сестрёнка, безмерно рада,
Что в такой родилась семье,
Где делить ничего не надо,
И на всех лишь одно колье.

А колье – это наши Узы,
Что вязали отец и мать,
Им в то время был клад не нужен,
Чтоб дочурок таких создать.

Вот смотрю на тебя, Тамара,
Ты и есть настоящий клад,
Ведь «пахала» почти задаром,
Без правительственных наград.

Очень скромно и незаметно
Подарила стране детей,
О которых прочесть сонеты
Можно в рубрике новостей.

Этим, право, гордиться можно,
И, хоть время рекой течёт,
Даже если душе тревожно,
Дети лучший семье почёт.

За тебя, и Володю тоже
Беспокоимся каждый раз,
А взгрустнёшь, – позови, поможем
Без красивых и звонких фраз.

НАВСЕГДА ЗАПОМНИЛ

На юбилей Тамары Петровой

Сколько ми́нуло лет, о Боже,
С той поры, как увидел Вас.
Были молоды Вы, я тоже,
Так казалось мне, «в самый раз».
Помню, день упивался зноем,
От жары белый свет поник,
Вы ж с Татьяной своей Весною

Окропили меня в тот миг.
Этот миг навсегда запомнил,
До сих пор он в душе моей,
И томительною истомой
Проявляется средь ночей.
Вы отдали себя Володе,
А Татьяна пришла ко мне
Из заветной поэмы Одой,
Словно ласковый нежный снег.
Всё уходит с годами в вечность,
Но забыть невозможно Вас,
Для меня это было Нечто,
Я б сказал даже, Звёздный час.
С высоты своих лет хотел бы
То, что было, вернуть опять,
Но Истекшее улетело, –
Не работает время вспять.
Я теперь лишь вот эти вирши
Написать Вам в тетрадь могу,
Хоть поэт из меня не вышел,
Память с трепетом берегу.
И хочу пожелать Вам счастья,
Видеть вновь был бы очень рад,
И конечно, такой остаться,
Как была сорок лет назад.

РОДНЯ

Нине Кокаревой

Средь сестёр ты, наверно, самой
Экзотическою была,
Со своими тогда Весами*
Я искал возле вас тепла.
И нашёл его у Татьяны,
Всё случилось само собой,
От неё стал безумно пьяным,
И не чаял жены иной.
Не в твоём был тогда я вкусе,
И казался лишь старым пнём,
Ты ж, как выжить, была не в курсе,
Но любила играть с огнём.
Да, течёт время слишком быстро!
Сорок лет, почитай, прошло,
Я, как прежде, не Монте-Кристо,
Снегом голову замело.
Ну а ты-то теперь какая,
Мне б хотелось сегодня знать,
Кто в Надыме тебя ласкает,

---

* *Весы – мой гороскоп по Зодиаку.*

Заставляя любить, страдать.
Молодой ты была, красивой,
И игривой, как в поле лань,
Взглядом, словно лесной крапивой,
Пресекала любую дань.
Слышал: ты увлеклась стихами,
Но ведь это же всё фигня,
В них попахивает грехами,
Если вдуматься, от меня.
Впрочем, этому очень рад я,
Мы с тобою теперь «ровня»,
Для меня ведь стихи награда,
Значит, ты мне во всём родня.

КАКАЯ ЖЕНЩИНА!

На юбилей Валентины Иосифовны Драно́й

«Какая женщина, о Боже»,
сказали вдруг однажды мне,
и я почувствовал всей кожей,
что сам уже горю в огне.

Ты, как никто, была красивой,
одной из ярких русских Лад,
не зря ж мужчины все косили
лишь на тебя смущённый взгляд.

Ты и теперь, по мне, прекрасна,
пусть не фигурою – душой,
в сырые дни погодой ясной,
в жару – водою ключевой.

Наверно, потому в Тюмени
все у тебя хотят гостить,
скажу об этом, как сумею,
совсем не собираясь льстить.

Готовишь ты настолько вкусно,
что борщ блаженствует во рту,
любому от сего искусства
живётся сладко, как коту.

С тобою, верю я, не страшен
мороз и летняя жара,
таких, как ты, считают «нашей»
в Надыме все директора.

Не зря сыны тобой гордятся:
ты им сейчас «в тоннеле свет»,
для них ты милый доктор Ватсон,
всегда спасающий от бед.

Ты – мать, одна из русских женщин,
на коих держится земля,
а может, драгоценный жемчуг,
собой украсивший поля.

МЫ БЛАГОДАРНЫ ТЕБЕ

на 80-ний Юбилей
Анны Иосифовны Горшковой

Годы летят незаметною птицей
И исчезают в туманной дали,
Там, где хоронятся вечности лица,
А лодка жизни уже на мели.

Сдвинуть с мели́ эту лодку пытались
Многие грешники, да и цари,
Но для чего? Ночь любая растает,
Сколь не препятствуй, в объятьях зари.

Можно года от себя отодвинуть
Модной сейчас скандинавской ходьбой,
Но не на до́лго – из бренности вынуть
Палками трудно себя, сколь не вой.

А Юбилей – это веха дороги,
Где оглянуться неплохо б назад
И подвести своей жизни Итоги,
В детство нырнув, но без траурных дат.

Ты в эту по́ру была нам примером,
(Старшей, наверное, всех тяжелей),
Брать на себя все заботы, я верю,
Может лишь тот, кто себя не жалел.

Помню, когда ты была почтальоном,
Так уставала, что «падала с ног»,
Но не лежала, а свежим бульоном
Нас успевала кормить, словно Бог.

Пусть жили бе́дно, но не голодали,
Мать на печи не давала лежать,
В поле колхозном картошку копали,
В школу едва успевая бежать.

Но это было счастливое время.
Жаль, что оно безвозвратно ушло,
В давнем порыве девичьих горений
Ты нам опорой была и веслом.

Этим веслом, вспоминаю, умело
Ты помогала к мечте своей плыть,
В лодке твоей даже самым несмелым
Некогда было о трудностях ныть.

Мы благодарны тебе за всё это,
В горле застрял от волнения ком,
Грустно немного, прошло наше Лето:
В годы преклонные ходят пешком.

Но и жалеть об истекшем не стоит,
Мало кто знает, что ждёт впереди,
Лучше вечерний закат встретить стоя,
Чем на кровати, да с болью в груди.

Восемь десятков – немалая дата,
Но до причала ещё далеко,
Правнуки есть уж, ты ими богата,
Пусть им по жизни плывётся легко.

НАЧАЛО НАЧАЛ

Вере Ивановне Володиной, на её 80-летний Юбилей

Много песен о женщинах спето,
В интернете особый ликбез:
Восхищаются тем, как одеты,
Как прекрасны в нарядах и без….

Но сильнее, как это ни странно,
Ценим женщин и всех матерей
Мы за то, что встают очень рано
Ради нежно любимых детей.

Вон, Володиной Верою движет,
Как мне кажется, больше всего
Не красóты чужого Парижа,
А родное до боли село.

За кого-то всё время болеет,
Их потерями явно скорбя,
Согревает друзей, как умеет,
Забывая болеть за себя.

Не случайно, Совет ветеранов
Для Володиной жизни причал,
Где не надо скрывать свои раны,
Что, по сути, начало начал.

ЛЮДМИЛЕ ФИЛИППОВОЙ

В день рожденья

Спой нам песню про иву плакучую,
Пой всегда, не от случая к случаю,
Оставайся такой, какой хочется,
Только в жизни не стой на обочине.

Лучше вздорною быть и смешливою,
На обидчиков гаркнув: «Пошли Вы все!»
Чем ходить осторожненько мимо них
С недовольною, так сказать, миною.

Лучше быть озорной хохотушкою,
Забавляясь крутыми частушками,
Чем страдать и скучать в одиночестве,
Ждать, что будешь когда-нибудь в почести.

Ну а если и кто не понравится,
(Все мы, в общем-то, с разными нравами),
Не печалься, ты русская женщина,
А у русских зимой горы жемчуга.

ВОДА И ОГОНЬ

Музыканту Викентию Ягаловичу,
руководителю хора «Ивушка»

В Мортке немало талантов,
Коих сегодня не счесть.
Есть и свои музыканты,
Гордость района и честь.
Всем нам от них остаётся
Что-то до боли своё,
Сердце печалью нальётся,
Если припомнится всё.
Знает о том Ягалович,
Но лебезить не спешит,
В каждом старается слове
Новый отыскивать хит.
Он под баян и гитару
Спеть может песню о том,

Что «ночь влюблённым упала
Ласковым звёздным дождём»*.
Мы не забыли о том, как
«Пашенку» Мальцев пахал*,
Видно, в такие истоки
Сам с головой попадал.
В этом свои бриллианты,
К вечному таинству ключ,
Как музыкант, он талантлив,
Хоть и немного колюч.
Но, тем не менее, много
В жизни своей преуспел,
Можно ль судить об итогах, -
Рано, не всё ещё спел.
Песню о «Маленьком чуде»*
Нашей визиткой зовут.
Сколько подобных ей будет,
Тех, что навряд ли умрут!
Новые «Ивушки» хором
Будут плясать под гармонь,
Ведь на Югорском просторе
Это вода и огонь.

---

* *Слова из песен Ягаловича.*

В МЕРУ МОЛЧАЛИВА

Елене Ильиничне, медсестре
Районной больницы

Строга и в меру молчалива,
Хотя не очень боязлива.
Готова, даже и одна,
Чужую боль испить до дна.

Ей главное – во всём порядок,
Нерях одёрнет, тех, кто рядом,
Не всем такое по душе,
Но ведь живём не в шалаше.

Хоть ростом, вроде, небольшая,
Ей это вовсе не мешает
Быть на Вселенную похожей,
А рядом с горем – в первой ложе.

Её, мне кажется, боятся
И незаметно сторонятся,
Но мне Елена Ильинична,
Скажу открыто, симпатична.

НЕМНОГО СО СТРАХОМ

Медсестре районной больницы
Светлане Севастьяновой

Все пациенты немного со страхом,
Но и с надеждой безропотно ждут:
Если хондроз уж доне́льзя «затрахал»,
Медперсонал – их последний редут.

Вот и снуют меж больными, как пчёлки,
Сёстры палатные, да и врачи,
Бог им судья, коль обидел их в чём-то:
Лихо шприцуют, кричи-не кричи.

Быть медсестрою и доброю Ладой
Вряд ли кому-то от Бога дано,
Так, как иглой «входит» в вену Светлана,
Входит лишь лучшее в мире вино.

Если бы мог, Севастьянову ямбом
Трепетно ныне вознёс до Небес,
Был бы моложе, гитарой обнял бы,
Если не я, то хотя бы мой бес.

ТАТЬЯНЕ ДЕМИДОВОЙ

В её 70-десятилетний юбилей

Она талантлива, бесспорно,
такою не могла не стать:
с рожденья творческие корни
ночами не давали спать.

К стихам пришла сквозь прозу жизни,
которой славился Союз,
в ту пору всем нам «быть бы живу»,
а остальное – не до муз.

Возможно ль сосчитать все муки
ночей бессонных, где всегда
не оставалось места скуке,
а сладкий сон – лишь иногда.

То – в прошлом. Ворошить былое
Татьяне ныне не к лицу,
признанье медленно, но шло к ней,
как Неизбежное Творцу.

Теперь мечты её свершились,
настал заслуженный почёт,
а «Возрожденье» лишь вершина
трудов, у коих свой учёт.

ВАЛЕНТИНЕ КРЕСТЬЯННИКОВОЙ,
соратнику по клубу «Поиск»

Пройдут года, но не унять,
Ту боль, с которой ты жила,
Души твоей колокола
Пока ещё у нас звенят.

Жить можно и без суеты,
О том, что было, не жалеть,
Но прошлое порой, как плеть,
Хлестнёт, и вдруг застонешь ты.

Я вспоминаю, как сейчас,
С тетрадкою стихов тебя,
Когда ты, рифмы теребя,
Смущённо вглядывалась в нас.

Не знаю, как другим, по мне,
Твои стихи будили ночь,
И трудно было превозмочь
Себя не слушать их во сне.

Так что, пожалуйста, и впредь
Живи с открытою душой,
Нам в этой жизни небольшой
Познать себя хотя б успеть.

НАДЕЖДЕ СЫСОЕВОЙ

В день рождения

Для Сысоевой Надежды
Я бы сделал всё, что мог,
Даже б вылез из одежды,
Но, к несчастью, занемог.

Ты прости меня за это,
Ныне холод наяву,
Но уже спешит к нам лето,
В нём тебе цветов нарву.

Незаметно улетают
Наши дни в небытие,
А я всё-таки мечтаю
Нежно выполнить сие:

Подарить ко дню рожденья
Миллион волшебных роз.
По секрету: в этот день я
Кожей чувствую мороз.

АЛЕКСАНДРУ ВАСИЛЬЕВУ

На его творческий вечер

Не каждому из нас дано
В чужих стихах рассвет увидеть,
Васильев пьёт его вино,
Как пьёт гусар, с гитарой сидя.

Пьёт не глотками, а взахлёб
Струны чарующие звуки,
Увязывая нотный плот
Своей какой-то сладкой мукой.

И потому он стал для нас
И трубадуром, и маэстро,
Который может без прикрас
Представить золушку невестой.

Сегодня мы пришли сюда,
Чтобы увидеть это снова,
Его напевы иногда –
Тепло от очага родного.

А иногда напомнят миг,
В котором хочется забыться
От надоедливых интриг,
В любви заветной заблудиться.

Благодарю тебя за все
Тобой написанные песни,
За их божественную сень,
Тем паче, это труд совместный.

***

«Мою душу никто не поймёт»
(Нина Сондыкова)

Её ду́шу никто не поймёт,
Мне, к примеру, она не понятна,
Свои песни нигде не поёт,
А слова-то на слух так приятны.

То ей надо холодной зимы
С поволокою белого снега,
То спешит на Туман, где все мы
Окунуться готовы с разбега.

На озёрный любуясь обрыв, –
Гладит новой строкой Лиственничный.
Очевидно, той песни мотив
Был навеян ей гомоном птичьим.

Манит Нину Родная земля,
Воспевать её всюду готова,
Снятся часто, видать, тополя
И картины тумана густого.

Да возможно ли мне описать
Хоть частицу её вдохновенья,
У поэта особая стать
И своё на природу виденье.

ЛЮБОВИ ЛАДЕЙЩИКОВОЙ,
Автору *книги стихов*
«Колыбельная тайна»

Когда «Колыбельную тайну»
Впервые взял в руки случайно,
Куда-то исчезли печали
И даже от грусти оттаял.

В то время всем было не сладко:
Страна развалилась, и в бездну
Стремительно и неизбежно
Летели былые уклады.

Стихи поэтессы задели
Во мне тосковавшие струны
И, словно речные буруны,
О тайнах рожденья запели.

О светлом безоблачном детстве,
О хлопотах умершей мамы,
Любившей и в зной и в туманы,
Своё, так сказать, королевство.

Я жадно читал и боялся
Спугнуть материнскую нежность,
Пиная себя за небрежность,
Которой любил рисоваться.

И помню, не мог оторваться
От та́инств поэзии вечной,
Она же, как звёздная млечность,
Сумела загадкой остаться.

С поры той страницы России
Листаю стихирным аршином,
Хоть знаю, такой же вершины
Достичь мне уже не под силу.

И в это своё Мирозданье
Вхожу колыбельною тайной,
Стихами, которые стали
За всё благодарною данью.

С ТВОИМ НЕКТАРОМ

Сергею Курманбакиеву

Занедужил «Мовой»
не на шутку Киев,
Мне ж приснился снова
вдруг Курманбакиев.
Видно, как и прежде,
Он не безразличен,
Вот и льнут надежды
Видеть друга лично.

Только иногда лишь,
(сердцу не прикажешь),
Сны возьмут да «вмажут»
Этакую «лажу»,
Где мы, исполняя
Авторские песни,
Многих заслоняли,
Говорю без лести.

Боже, как прекрасно
Было это время!
Даже в день ненастный
Мы тогда горели
Общею мечтою,
Общею заботой,
Не хмельным настоем,
А «Такой работой*».

Как в логу ромашки,
Рвали комплименты,
Горькие промашки
И аплодисменты.

---

* *Название одной из совместных песен.*

То ль в ударе были,
Толь в лихом азарте,
Но мы песней жили,
Не игрою в карты.

Это, как ни странно,
В сердце тлеет долго,
Как после тумана
Чудное раздолье.
Наши встречи часто
С грустью вспоминаю,
Для себя – как счастье,
Для тебя – не знаю.

Резанул в Тюмени
По Былому в Мортке,
Вывернув сомненья
Нотною отвёрткой.
Юбилей открой хоть
Нашей песней старой,
Я их все, не скрою,
Пью с твоим нектаром.

ВНУКУ МИРОНУ

В его пятилетний Юбилей

Хватает всё подряд, что может,
Куда дотянется рука,
Что мама за́годя положит
И то, что брать нельзя пока.

Нет никаких ему препятствий
В стремленье выразить себя,
В пору́ младенческую счастье –
Всем показать: здесь главный Я.

Когда о чём-то просят, ленью
Умеет сразу заболеть,
И взрослым лучше с умиленьем
На эти шалости смотреть.

А вот когда игрушку надо,
Иль не дают скакать, как мяч,
Устроить может канонаду,
Не хуже чем иной палач.

Недавно полюбил рыбалку
И не боится червячков,
На них он, в качестве приманки,
С восторгом ловит окуньков.

Самозабвенно любит маму,
Сестру и бабушек своих,
Но, если что-то не по нраву,
На БАМ готов отправить их.

Умён, компьютерною мышью
Владеет, как своим мечом,
Ему пока, я где-то слышал,
Нельзя отказывать ни в чём.

ПРО СВОЙ НОВЫЙ ГОД

Хочу рассказать я про свой Новый год,
Со мной происшедшее чудо,
В больнице валялся, уже в небосвод
Смотрел, как в остывшее блюдо.
Лежал под наркозом, а плыл в облаках,
В каком-то таинственном мире,

И так неожиданно там, в небесах,
Увидел свою дочь Ирину.
Когда же проснулся, она медсестрой
Палатною вдруг оказалась,
Звалась Маргаритой, но этот настрой
Надолго ко мне привязался.
Наверное, в том летаргическом сне,
Играя с «костлявою» в жмурки,
Случайно, как птица в закрытом окне,
Коснулся родимой дочурки.
Ощупал лицо и глаза, милый нос,
(Навряд ли такое возможно)…
Скорее всего, подарил мне Христос
Напутствие в карте дорожной.

НА ЮБИЛЕЙ МЕЛКОЗЁРОВОЙ Н.В.

Снег идёт ли, солнце светит,
Наша Нина, как на сейм,
Забывая всё на свете,
Вновь торопится в бассейн.
Там она отводит душу,
И в кругу друзей своих

Чашу радости осушит,
Даже если вечер лих.
Любит ягоды, рыбалку,
Всё, чем так богат наш лес,
Где её провинциалкой
По тропинкам водит бес.
С ним, наверно, с детства дружит,
С ним она готова жить,
Не случайно, даже ужин
Может другу одолжить.
И создать вязальной спицей
Новый ласковый узор,
Отчего светлеют лица
Всех, кто пялит в Нину взор.
А зимой пройтись на лыжах
Дед Мороз её зовёт,
С ним в спине любая грыжа
Станет сладкою, как мёд.
Вообще-то, как ни странно,
Любит Нина и уют:
В даль зовут чужие страны,
Но неплохо ей и тут,
Где уютная квартира,
До внучат – рукой подать,

С телевизором полмира
Можно молча отмахать.
Здесь она всему хозяйка,
Здесь всё то, к чему влечёт,
Для моей Татьяны – зайка,
От соратников почёт.

НА СВОЕЙ ПЕРЕДОВОЙ

Бельковой Анастасии Ивановне,
в связи с избранием Председателем
Совета ветеранов Мортки

Ты работала всю жизнь
Бедной золушкой из сказки,
Знала фразу «не ленись»
Без какой-либо указки.
Многодетная семья
Для тебя была примером,
Там труду уже «с ранья»
Открывались в доме двери.
Потому, наверно, в Связь
Ты вошла дорогой торной,
Да и жизненная вязь

Для тебя не стала спорной.
Это – в прошлом. Ты сейчас
Сердцем греешь свой посёлок,
Он прекрасен, но подчас
От Былого лишь осколок.
Не случайно Леспромхоз,
Гордость нашего района,
Всей стране богатство вёз,
А теперь стал пенсионным.
Те, кто резво танцевал,
Незаметно постарели,
И уже в концертный зал
Не спешат – все песни спели.
Но тебе-то не впервой
Возле них волчком крутиться:
На такой передовой
Кто-то ж должен находиться.
С этой лямкой только ты
Можешь даже без оплаты
И ненужной суеты
Стать сестрою или братом.
Да и, вспомни, ты всегда
На глазах людей «пахала»,
Даже если иногда

За спиною вдруг охают.
Жизнь, по сути, тот же фронт,
Ссор житейских пули рядом,
От дождя спасает зонт,
Но от злого слова вряд ли.
Тем не менее, с тобой
Воевать намного легче,
Легче быть самим собой,
Если время слабо лечит.

НАДЕЙСЯ И ЖДИ

На юбилей Зои Ивановны Трач

Можно радостью, можно печалью
приукрасить свои шестьдесят,
можно всем, только лучше вначале
оглянуться немного назад.

Вспомнить прежние славные годы,
дни, когда возрождала свой хор
по веленью души, а не моды,
ворвалась с ним в Югорский простор.

Как вязала «Балладу о Мортке»,
чтобы песней тайгу обогреть,
этот гимн даже ныне упёртым
невозможно из сердца стереть.

В зауральской таёжной глубинке,
где лихой ветер грустью стонал,
окрыляла такие «Былинки»,
о которых весь Округ узнал.

Ты сумела вдохнуть им надежду
на заветный вокальный успех,
и в такой материнской одежде
продолжаешь болеть за них всех.

Это в прошлом. А что ещё будет!
Птица счастья пока впереди.
Не теряйся в бесчисленных буднях
праздник рядом, надейся и жди.

ВАЛЕНТИНЕ ФЕДОРЦОВОЙ

Посмертно

Резанула боль и метелью
Занедужило сразу вдруг,
Словно ветер обнялся с елью:
Умер бывший по хору друг.

Валентина ушла из жизни
В мир неведомый нам, иной,
Где навряд ли течёт по жилам
Всем желанных страстей вино.

Помню, пела она частушки
Так, как редко кто смог бы петь,
Запоёт если, все подружки
Шли толпой на неё смотреть.

И с Овериной Феоктистой
Затмевала, бывало, всех,
Видно, Валя была артисткой,
Но не знала про этот грех.

Скажем больше – её тянуло
Не на сцену, а в лес, в тайгу,
Где душою своей тонула
В давних грёзах, как март в снегу.

Там могла она, наконец-то,
От невзгод и обид остыть,
И, как будто в волшебном детстве,
Белой лебедью снова плыть.

А теперь вот её не стало,
Почему-то померкло всё,
Только дождь моросит устало
В окна вдруг загрустивших сёл.

И хотя провожаем молча,
Вряд ли сможем её забыть.
Чем скулить на луну по волчьи,
Лучше слёзы в рукав зашить.

ЛЮДМИЛЕ СМОЛЯНИНОВОЙ

Посмертно

Уходит соратник, снова
Тревогою в горле ком,
Безвыходно сердце ноет,
Листая сей жизни том.
Казалось бы, все мы смертны
И всуе не стоит ныть,
Но где-то жива, поверьте,
Последних мечтаний нить.
Она не даёт угаснуть,
Как яркой кометы свет,
Который в душе негласно
Таился на склоне лет.
Я помню, как прежде хором
Готовились к вечерам,
Как удаль рождалась в спорах,
Как пели! Увы, вчера…
А как ты стихи читала!
Читать так никто не мог,
Наверно, и в них искала
Достойный себе Итог.
Не знаю, что делать будем:

Ругаться ль, дружить, иль петь,
В том царстве, где строго судят,
Грехи б замолить успеть…
Мне кажется, ты успела
Земле свой отдать поклон,
Всю жизнь о любви ей пела,
Теперь к ней идёшь в полон.
Так пусть она станет пухом
Тебе уже на века,
Не знаю как Там, по слухам,
Святые в Раю луга.

КАК ЛЮБИЛА ОНА РОССИЮ

Кузьминых Екатерине Алексеевне, посмертно

Острой болью сдавило сердце,
Дождевой пеленой тоска…
Отделяет пока нас дверцей
Гробовая, увы, доска.

И не стало уже, не стало
Нашей старосты Кузьминых,
Только ветер вздохнул устало
Кружевами берёз седых.

Память шепчет: ещё недавно
Хор шумел под её крылом,
Этот финиш казался Далью,
Ссоры весело шли на слом.

Как любила она Россию!
Так любить могла только мать
Непутёвого даже сына.
(Материнское счастье – ждать).

Для неё было главным в жизни –
Верить в нашу Святую Русь,
Даже если течёт по жилам
Не горячая кровь, а грусть.

И возила с собой, бывало,
В заповедные нас места
Прикоснуться, (а это мало?)
К вечным заповедям Христа.

Вот и всё, нам пора прощаться,
Улетаешь ты в Мир иной,
Мы споём ещё, может статься,
Под заветной тебе сосной.

ЗАГЛУШАЯ ЛЮБВИ АККОРДЫ

Игорю Куреневу в день похорон

Ты как будто бы всем назло
Делал так, чтобы хуже было.
В этом, Игорь, тебе везло,
Но у мамы-то сердце ныло.

Тяжело смотреть как нарыв
Разрушает живое тело,
Бесшабашной души порыв
Зачастую лишь губит дело.

Те, к кому ты спешил с добром,
Обнимали тебя вначале,
А потом принимали бром,
И махали рукой с причала.

Ты, я помню, ко всем, как пёс,
Прижимался щенячьей лаской,
С визгом радостно под откос
Падал, но, как всегда, без маски.

А для женщин котёнком был,
Согревал их хмельною мордой,
Но от них же и волком выл,
Заглушая любви аккорды.

Но зато ты остался в нас
Молодым, как поэт Есенин,
И, быть может, ещё не раз
В сон ворвёшься тоской осенней.

МАЛЁВАНОЙ ГАЛИНЕ НИКОЛАЕВНЕ

другу и соратнику по ташкентскому периоду жизни, посмертно

Всегда неприятно случайно услышать,
Что бывший соратник ушёл в Мир иной,
А друг если умер – печаль «выше крыши»,
И падает в сердце тяжёлой виной.

Виною за то, что в былом не сумели
Вдвоём посидеть у ночного костра,
О том, что одною работой горели
В уже припорошенном общем Вчера.

Легко ли сквозь годы забыть всё Святое
Особенно если в Ушедшее врос
Своими друзьями, тем самым настоем,
С которым не страшен зловещий откос.

Мы оба в то время вкусили немало
Солёного пота, сомнений и слёз,
Но ты незаметно добро успевала
Везде находить, как на фабрике грёз.

Как многое мне захотелось об этом
С тобой поделиться, но ты вдруг ушла
Нежданно для нас похоронной каретой
Туда, где уже нет коварства и зла.

Так пусть же тебе и земля будет пухом,
Лишь там, может быть, отдохнёшь от забот.
Ждёт тех, кто без меры трудился, по слухам,
С почтением ангел у Райских ворот.

ТВОЕЙ ЖИЗНИ КОЛОКОЛА

Анатолию Корюкову, посмертно

Тихой болью душа заныла:
В Мортке умер один из тех,
Кто старался зимою стылой
Нагружать себя больше всех.
Эти люди в лихое время
Из тайги вывозили лес,
И порою не ради премий
Шли в обнимку с мечтой и без.
А теперь их осталось мало,
Корюков был одним из них,
Вот и ветер заныл устало
И от горя людского стих.
Сиротеет без них посёлок,
А ведь это моя семья,
Не случайно его осколок
Шевельнулся и у меня.
И я вспомнил былые встречи,
Припорошенное Вчера,
Но приблизился жизни вечер
И прощаться уже пора…
Анатолий, тебя мы помнить

Будем вечно, пока живы́,
Может ночью, а может, в полдень
Выпьем вместе ещё, увы.
И, не чокаясь, вновь по кругу
Осушим чашу наших лет,
Доставая своим подругам
Из таинственных звёзд букет.
Твои дети, надеюсь, слышат
И помянут не раз добром
Всё, что ты по веленью Свыше,
Ладил собственным топором.
И, конечно, накажут внукам
Чтить с любовью твои дела,
Зазвенят в них Святой наукой
Твоей жизни колокола.

ГРИГОРЬЕВОЙ МАРИИ ИГНАТЬЕВНЕ

В день похорон последней
из живых участников
Великой Отечественной в Мортке

Сегодня у гроба стоят друзья,
Терзая Былого жилы,
А мне захотелось спросить себя
Достойно ли все мы жили.

Григорьева скромно росла, как все,
Кто помнит страну Советов,
Купаясь утрами в лесной росе,
Тянулась ромашкой к свету.

И в Мортке тропой незаметной шла,
Любуясь травой у дома,
Что как-то несмело тайком вошла
В цветочные клумбы вдовьи.

Она и на фронте любила мир,
Касаясь рукою смерти,
Нередко возила бойцам, как в тир,
Гремучую смесь в конверте.

Сегодня её уже с нами нет,
Ушла в Мир, наверно, лучший,
Об этом в эфире сквозь ворох лет
Помянут строкой бегущей.

И к нам непременно опять она
Ворвётся военной песней,
Которой любую печаль сполна
Заменит, скажу без лести.

ВОРОН ВОРОНУ ГЛАЗ НЕ ВЫКЛЮНЕТ

Народная поговорка

«Ворон ворону глаз не выклюнет»,
А соседу сосед не прочь,
И такое порою «выкатит»,
Что в молчанку играть невмочь.

Вон, добро, если чёрной сажею
Мазать несколько лет подряд,
Обернётся коварной «лажею»,
Превратится, по сути, в ад.

В Украине, доселе родственной,
Вдруг закаркало вороньё,
Испоганило дружбу росную
И рекой полилось враньё.

Тот, кто прежде считался братом мне,
Оказался совсем чужим
И меня называет «ватником»,
Обливая потоком лжи.

Крещены мы единой верою
На Великой Руси давно,
Что б со мной не случилось, верую:
Лихолетье у всех одно.

Ничего, что теперь соседствуем,
Украина Руси – сестра,
И «укропы» напрасно зверствуют,
Ночь-то длится лишь до утра.

СЛИШКОМ ПОЗДНО

Мама милая, так хотел бы
Я прижаться к тебе сейчас,
Но, прости меня, улетели
Дни былых материнских ласк.

К сожалению, слишком поздно
Мы все это осознаём,
И дорогой, нередко ложной,
Груз проблем на себе везём.

Ох, как часто меня порою
Незаметно касалась ты,
Я ж беспечно, того не скрою,
Рвал родительские мосты.

Как и многих, тебя, наверно,
Донимала в те годы хворь,
Мне же силы своею верой
Ты вымаливала у Зорь.

К этой вере и сам всё ближе
Становлюсь постепенно я,
Небосвод с каждым годом ниже,
Ждёт, поди уж, сыра земля.

Ныне знаю, что не устану
За беспечность себя корить,
Вечно буду, пусть «в Лету кану»,
На могилку к тебе ходить.

«Пусть воют волки на луне»
Евгений Чепурных

***

Пусть волки воют на луну,
И, как ни странно это,
Я тоже гавкнул на жену:
Запропастилась где-то.

Наверно, ей скучны уже
Мои стихотворенья,
И варит в новой неглиже
Клубничное варенье.

Я тоже кое-что могу,
Хоть голова в пороше,
Но согревают, не солгу,
Лишь старые калоши.

***

Ползут в посёлке толки,
как змеи у обочин:
«Опять собаку волки
загрызли этой ночью».

Не зная жизни сладкой,
они ночами воют,
и могут лишь украдкой
покайфовать зимою.

И вот уже тревога
гуляет с тихой болью,
как утлая пирога
по водному раздолью:

«Опять собаку волки
загрызли этой ночью»…

***

Новогоднюю я ёлку
сам себе напоминаю,
простоявшую до мая
в спальной комнате без толку.

А на сердце тихой раной
карнавальное похмелье
искромётного веселья,
и тостов излишне рьяных.

Было всё довольно сладко,
как в далёком нашем детстве,
где без всякого кокетства
все в него спешим украдкой.

На коне в любимый праздник
скачем лихо без оглядки,
со своей судьбою в прятки,
рвёмся в милый безобразник.

***

«Я Вам пишу – чего же боле?»
(А.С. Пушкин)

Я люблю его до боли,
и целуюсь с ним взасос,
пью его, «чего же боле»,
в обжигающий мороз.

И в жару, как мёд, он сладок,
без него схожу с ума,
на душе такой осадок,
словно злобствует зима.

Как приятно с ним в обнимку
до полуночи сидеть
у камина на заимке,
и слегка от счастья млеть.

Ну а то, что им возможно
и обжечься невзначай,
ничего, – покой тревожит
только очень крепкий… чай.

КАК БЫ

Рвёт солдатский строй единый
под ногой случайный камень,
вот и слух словарной миной
режут вставки «типа», «как бы».

Мой сосед влюблялся дважды,
всей душою, до «упаду»,
в третий раз сказал отважно:
– Я хочу жениться, как бы.

В жизни, как и на дорогах,
сплошь коварные ухабы,
дверь открыл, жена с порога:
– На ковёр, почисти, как бы.

Как-то я решил однажды
встретить дочку из детсада,
а она крутнулась важно:
– Мы там песни пели, как бы.

Сэкономил в женский праздник,
не цветы купил, – помаду,
и жена потухла сразу:
– Не любовь у нас, а как бы.

В СЕМЕЙНОЙ ЛАСКЕ

Хотела стара́ послать
вчера муженька за хлебом
когда тот улёгся спать,
уже самогон отведав.

Конечно же, он не мог
безропотно подчиниться,
и выплеснул гнева впрок,
в плену у «святой водицы».

Жене закричал: «Убью»,
прошамкав двумя зубами,
а бабка в ответ: «Люблю»,
слегка шевельнув губами.

И грому подобный крик
растаял в семейной ласке,
с которой прожил старик,
по сути, как в доброй сказке.

***

Дед принёс починить телефон
и сказал: «Не работает что-то,
нажимаю на кнопки, а он
всё молчит, как глухое болото.

Мне ж, наверное, дети звоня́т,
но не могут никак дозвониться,
а они очень любят меня.
Как тут снова с утра не напиться!»

Мастер трубку его осмотрел,
не нашёл никакого изъяна,
и шутливо сказал, как умел,
что «моби́ла», наверное, пьяна.

Тут поник головою старик:
позабыли о нём, видно, дети,
и немой из души его крик
разбудил телефонные сети.

Резанул долгожданный звонок
по давно тосковавшему телу
так, что вымолвить смог лишь: «Сынок!»,
но от радости сердце запело.

***

Не ходит беда в одиночку,
Гуляет с подругой Потерь,
И держит на ржавой цепочке
Во мрак приоткрытою дверь.

Капризна она, эта дама,
Слезами её не унять,
И в стенах житейского Храма
Давно ей на всё наплевать.

К примеру, першит если горло,
Не дышит задиристый нос,
Свет белый не радует, горечь
Идёт безнадёжно в разнос.

Не знаю, как всем, эта дама
Меня донимала не раз,
Была бы жива моя мама,
Её б не впустила сейчас.

***

Кому интересен бегун в хвосте
Колонны лихих спортсменов,
Цветы и награды ждут только тех,
Кому ещё нет замены.

Так было и в древние времена,
Лишь сильных толпа любила,
В историю вписаны имена
Врагов и друзей Ахилла.

Но что интересно, – спортсмен любой
Не может всегда быть первым,
Когда-нибудь в жизни наступит сбой,
Сдают и у лучших нервы.

Так стоит ли в пику фортуне лезть,
И с болью скрипеть зубами,
Не лучше ль оставить всё так, как есть:
Бараны лишь бьются лбами.

***

Острые боли без всякого спроса
бритвою так резанули живот,
что даже самые злобные осы
вряд ли б создали мне столько забот.

Чтоб утолить эти боли, так много
горьких снадобий пришлось покупать,
что весь бюджет пенсионный, в итоге,
стал у жены на глазах исчезать.

Серьги и норка из прежнего списка
давних желаний ушли на потом,
тают все деньги в лекарственной миске,
быть бы здоровым, все мысли о том.

Если всё так, то, быть может, не стоит
жизнь посвящать одному животу,
слишком он любит себя, вот и стонет,
жалуясь всем на свою маяту.

Пусть без еды поживёт, голодает,
лишь иногда заморив червячка,
в голоде спесь-то у всех пропадает,
у молодого и у старичка.

***

Не давит на нас ничего сильней,
Чем в думах своих копанье,
Никто же, вестимо, не стал умней
От собственных оправданий.

От них и уйти никуда нельзя,
Забудешь на миг, напомнят,
Что подвиг, которым горел зазря,
Смешон, как бульварный томик.

Вначале ж маячил карьерный рост,
Шеф гладил меня по шерсти,
Но вдруг огрызнулся ему, как пёс,
И сразу же стал не в чести.

С тех пор провожу для себя ликбез,
Пляшу под чужую дудку,
Все люди, как люди, один я без
Достойной собачьей будки.

МОЙ ГРЕХ

Поэтический осенний
Непрерывный марафон
Стал неведомым доселе
Для меня счастливым сном.
Можно ль было новобранцу
Наяву увидеть тех,
Кто с обложечного глянца
Свысока смотрел на всех.
Там Ладейщикову встретил
И обнял её в уме,
Но, скрывая страсти эти,
Подошёл за резюме.
Очевидно, ей внимая,
Я в тот день был на коне
И, свою стряпню читая,
Сам себе казался не
Смешным, а чуть похожим
На поэтов, как Блинов,
Выражая своей рожей,
Что читал их том стихов.
Так затеплилась надежда
На свой будущий успех,
И в себя плеснул небрежно
С коньячком сей звёздный грех.

***

Зарисовка с натуры

В больничной палате сегодня бедлам:
Успеть надо влить пациентам бальзам,
Кому в ягодицу, кому-то в плечо,
Но каждый укол – как по яйцам мечом.

Сестрички, что кошечки, лихо снуют,
Им прежде всего медицинский уют,
Боятся начальства, и даже себя:
Легко ль до греха, коль шприцуешь любя.

Вон вижу: одна из них тело несёт
Своё, как на пляже, сосками вперёд,
И бёдра и груди больному в упор,
Но это ж «лежачим» – над плахой топор.

И все пациенты таращат глаза,
Иные с восторгом, иные в слезах:
Охота же всем, да и мне заодно,
Улечься с такою кобылкой на дно.

Сестрица меж ними упруго прошлась,
Вошла в Процедурный, и там заперлась.
Что делала в нём, не узнает никто,
Когда там одна, слёзы льёт в решето.

***

Рыжей осени карета
Лихо скачет по дворам,
Все берёзы разодеты,
Как невесты, тут и там.

Только сонный ельник мрачно,
Озирая чужаков,
Намекает многозначно:
Рядом логово волков.

Что ходить туда не стоит,
Там опасно и темно,
Там медведь берлогу строит,
В общем, ужасов полно.

И на самом деле страшно
В ельник осенью входить,
Как-то я рискнул – мурашки
Стали пó сердцу бродить.

***

Стакан воды всего дороже,
когда нутро огнём горит.
А водка, если и поможет,
то жажду вряд ли утолит.

Она как мёртвому припарка,
когда ты сердцем и душой
изведал всё, но стал огарком
любви, увы, уже былой.

Вода всегда бальзам для тела,
лишь с нею надо бы дружить.
Вот только, чтобы не хотел я,
Без водки как-то грустно жить.

«НАМ НРАВЯТСЯ, И МЫ НРАВИМСЯ»

(В. Богданович)

«Какой Вы у нас хороший сосед,
Любуемся только Вами».
Но думают так далеко не все, –
А те, с кем любезны сами.

Такая дилемма, увы, верна,
Хотя не совсем этична.
И всё же, от доброго слова жена
Любовью горит, как спичка.

Моя, вон, любила, когда я с ней
В постели всю ночь валялся,
Теперь это вижу в глубоком сне,
Вчера в нём, как волк, метался.

Наверное, в чём-то я был не прав,
Мы ценим не тех, кто любит,
Спуская с цепи петушиный нрав,
Как впрочем, почти все люди.

И сам-то я верю уже не всем,
Кто водит со мною дружбу,
Но это одна из запретных тем,
Которые слуху чу́жды.

Друзей видел разных и знаю я:
Лишь пёс в судный день со стоном
Прижмётся и в щёку лизнёт меня,
А это немало стоит!

***

«В нашем обществе все семьи живут в достатке

(Г. Хазанов)

Все у нас живут в достатке:
И она и он.
Так порой жена «достанет»,
Что исчезнет сон.

Вон, вчера купить просила
Новое манто,
Я устал, уже вполсилы
Говорю: «Потом…»

Как-то жили же без шубки,
Также, как и все,
А теперь надула губки,
Нет житья совсем.

Или, лёжа на перине,
Донимает вновь:
Ей опять кольцо в витрине
Будоражит кровь.

«Я б его давно купила,
Был бы щедрым муж».
И всю ночь меня кормила
Льдом осенних луж.

В общем, так меня достала,
Что не встать, ни сесть,
У меня себя украла
Целиком, как есть.

***

От зарплаты живу до зарплаты,
И карманы всё время пусты,
Вот и стали лишь ветхой заплатой
Не остывшие в сердце мечты.

Ду́шу греют они, только редко,
Да и вянут, как осенью рожь,
Вообще-то мечты – этикетка
Жизни той, по которой идёшь.

Без неё, как без денег, скудеем,
И порою не хочется жить,
Надо быть неплохим лицедеем,
Чтоб жене без «бабла» угодить.

Пусть! Её я улыбкой согрею,
В оправданье стихи подарю,
Наплету что-нибудь, как сумею,
И опять в бабьей ласке сгорю.

ДЛЯ ГАЛОЧКИ

Сердце ликует, коль зимней порошей
Снова на лыжах по трассе летишь,
Но это счастье размером с горошек,
Если пробежка для галочки лишь.

Песни старинные петь перестали,
Видимо, к ним охладел нувориш,
Плохо, когда от культуры устали,
И все романсы для галочки лишь.

Слышал, сосед мой от жира потеет,
А у знакомых повесилась мышь,
В среднем, наверное, все богатеем,
Если отчёты для галочки лишь.

Умер соратник, надгробные речи,
Как говорится, уже «выше крыш»,
Только кого славословие лечит,
Если стенанья для галочки лишь.

Пишешь стихи и красивою фразой,
Как подобает, повсюду соришь,
«Лажа» в словах вдруг проснётся и сразу
Сердце заноет от галочки лишь.

***

Мне с каждым годом всё труднее
груз собственных проблем носить,
возможно, стал ещё беднее,
иль просто рвётся жизни нить.

Она прочна, пока ты молод,
пока свеча любви горит,
пока ещё желаний молот
в душе без у́стали стучит.

А если он стучит, но глухо,
И прежней молодости нет,
От сексуальной голодухи
Одно спасенье – Интернет.

В нём завсегда найдёшь, что надо,
Любой совет или клистир,
Почти от всех болезней БАДЫ.
И от запора эликсир.

И даже через Сайт знакомства
Красивых девочек найдёшь,
Вот только вряд ли от потомства
Тепло калош приобретёшь.

***

У каждого своя чудинка,
Любой из нас к веселью лих,
Но в дни, когда на сердце льдинка,
С утра печален я и тих.

С тоской, хотя и трудно ладить,
Войду тихонько в Интернет
И там найду любую Ладу,
Любви божественный сонет.

С ним вскоре обо всём забуду,
День пролетит как пять минут,
И опостылевшие будни
Хотя б нена́долго уснут.

***

Постарел, о любви не пишется,
в голове одни тараканы,
голос детства, увы, не слышится,
вероятно, он в Ле́ту канул.

Чередою ползут сомнения,
словно тучи в сырую осень,
вот и ритмы стихосложения
подаянья у Музы просят.

По ночам с ней «пора завязывать»,
никому не нужны стенанья.
Заблудился во сне меж вязами
с ненаглядною, не с вина ль я?

ХОТЯ БЫ ПОАХАТЬ

Уже пятый день непрерывным потоком
Село заливает навязчивый дождь,
Как будто Всевышний карающим оком
Своих подопечных пускает под нож.

В деревне людей не видать, и старушка
Сквозь рамы тоскливо на пу́стынь глядит,
Куда-то исчезли былые подружки,
Лишь дед одинокий корову доит.

Промокли насквозь и строенья и люди,
И, кажется, плачет родная земля.
Рожать бы ей надо, ну кто ж теперь будет
Готовить под сев заливные поля!

Деревья прижались друг к другу от страха
И молча в холодных объятьях дрожат,
Помочь бы им чем-то, хотя бы поахать,
На это, быть может, и хватит деньжат.

***

Мечтать, конечно же, не вредно,
кто станет это отрицать!
Атлет мечтает о победах,
а женщина – стройнее стать.

Во имя модных форм готова
на всё – за деньги голодать,
и опостылевшей фруктовой
диете почести воздать.

Не зря в шкафу былое платье
напоминает ей о том,
что настаёт пора расплаты
за флирт с коварным животом.

Мечты, мечты! Где ваша сладость,
их столь заветный милый плод?
У живота одна лишь радость –
не закрывался б только рот.

По существу он ненасытен,
и создан для того, чтоб есть,
сказать по правде, если сыт я,
и сам добром сияю весь.

А разговор о голоданье
придуман для отвода глаз:
чревоугодью оправданье –
как диарее унитаз.

***

Над озером синею дымкой
Улёгся весёлый туман,
И солнышко спелою дынькой
Полезло в соседний лиман.

Поверхность воды, как живая,
Лениво плескалась у ног,
И рана в груди заживала,
Шнуруя разлуки итог.

Но, как неземное виденье,
Возник рядом девичий стан,
И тут ущипнул себя: «Где я,
Ужель это новый обман?»

Вода виновато касалась
Ладоней таинственных рук,
А я ревновал, мне казалось,
Не выдержу дьявольских мук.

И ринулся вдруг ошалело
На битву с коварной волной,
Забыв, что «затвор мой» заело,
Ещё прошлогодней весной.

Истома той сказочной встречи
Не раз приходила ко мне,
Туманом ложилась на плечи,
Но, к счастью, всего лишь во сне.

НЕСКАЗА́ННЫХ ПОРЫВОВ ТОМ

«Повиливая хвостом,
волочилось время»
(Тобол, А. Иванов)

Хорошо бы связать мостом
Всё, что вдаль унесло теченьем,
Даже если лежать пластом
Станет старческим увлеченьем.

Я теперь подошёл к черте,
За которой лишь царство ночи,
Вот и глажу минуты тех
Дней, когда всё хотелось очень.

Несказанных порывов том
Время вырвало на мгновенье
И, нежданно вильнув хвостом,
Оживило былое рвенье.

Только нет уже прежних сил,
Ноют косточки в непогоду,
Знать, «хотелок» траву скосил
Я ещё в молодые годы.

***

Пора уж выглядеть мудрее,
Года с почтением носить,
Я старше стал, но не умнее –
Глазами дам не прочь «косить».

А зря – от женщины все беды,
От женщин в венах стынет кровь,
Вино любви кто раз отведал,
Захочет пить и вновь и вновь.

И, хоть вина уже не надо,
Весь аромат его погас,
(Чему жена, конечно, рада),
Не отвожу с красоток глаз.

А, может, это всё от Бога?
Ну кто, скажите, виноват,
Что мысленно готов «потрогать»
Девиц божественный овал.

Он так пленителен весною,
Что лучше всех земных наград,
И разве может стать виною
На милых дам смущённый взгляд.

***

Мне хочется губы твои
ласкать глазами
и таять снежинкою в них,
судьбе на зависть.

Тебя и во сне я рукой
боюсь коснуться,
но бес подмывает с такой
хоть раз проснуться.

Вот если б смелее плечом
согреть пытался,
в ночи сырой твоим плащом
навек остался.

И МНОГОЕ НЕ...

Я многое сделал и многое не
Смогу завершить до конца своих дней.
И с этим во сне веду праведный бой,
Воюя, по сути, с самим лишь собой.

Вот только кому это надо, скажи,
Болит голова – завяжи и лежи,
Она ведь не попа, пройдёт, отболит,
Твердила мне мама, мой друг Айболит.

Не знала тогда, что, как в речке плевок,
Окажется ею любимый сынок,
Качаюсь по во́лнам судьбы вверх и вниз,
Пока нет повестки в небесный круиз.

И вот дотянул до глубоких седин,
Хотя с «девяностых» уже господин,
Но так и не знаю кто друг мне, кто враг,
А, впрочем, и сам не герой я, а так…

СКВОЗЬ ПОЛЕННИЦУ ЛЕТ

Я вроде бы умер, а вроде и нет,
Пишу сам себе сквозь поленницу лет.
Её разбирал и былой беспредел
Утихшую боль снова бритвой задел.

До этого я лишь работой горел,
Работою жил, в ней заслуги имел,
Богатство не ведал, мечтал о горах
И, втайне от всех, о хороших стихах.

С развалом Союза вдруг всё потерял,
Смотрю эти дни, как дурной сериал,
И вижу опять в них: ценою измен
Страну суетливо рвут, как гобелен.

От этого, может, сломался бы я,
На счастье моё, появились друзья.
Они помогли всё плохое забыть,
Друзья и гитара – подарок судьбы.

Стихами хотел я украсить свой кров,
Сложив их у входа поленницей дров.
Теперь ими можно растапливать печь
И фразы пустого стенания жечь.

***

Тем, кому за восемьдесят

Кому нужна такая жизнь,
когда уже совсем нет мóчи
не только с кем-нибудь дружить,
собою сам любим не очень.
Когда охота волком выть
от навалившихся недугов,
а ум подсказывает: рыть
пора в сырой земле свой угол.

Кому нужна такая жизнь,
когда уже не спится ночью,
куда-то день за днём бежит,
а сердце лишь покоя хочет.
Когда не стало больше сил
летать, как в юности, по небу,
а лень бездельем моросит
везде, где был, и даже не́ был.

Зачем, скажи, на свете жить,
когда не можешь быть полезным
тому, кто всуе обнажил
перед тобой свои болезни,
Когда ещё цветов нарвать
хотел бы для своей любимой,
но, вместо этого, кровать
обнимешь снова с кислой миной.

Скажи, зачем такая боль,
зачем терзать свою же ду́шу,
она так занята собой,
что никого не хочет слушать.
Не лучше ль снова полистать
своё заветное Былое,
скрипеть себе на зло до ста,
хотя и рядом с Аналоем.

Тот, кто часто страну меняет,
вряд ли помнит свой Отчий дом,
на чужбине, как пёс, линяет,
ценит только мешок с добром.

ОТЧИЙ ДОМ

Привиделся во сне тревожном
прихваченный морозом лён,
и Отчий дом в Краю таёжном,
которым в детстве был пленён.

Так захотелось беспричинно
обнять берёзовую Русь
с печальной песней под лучину,
(названье вспомнить не берусь).

Она сидит занозой в сердце,
с которой, хоть и можно жить,
но даже в день погожий серость
душе тревогою брюзжит.

Ведь многие не ради смеха
вернулись в Стан родимый вновь,
как будто жизненная веха
всего одна – к тайге любовь.

И я все эти деревеньки
своею Родиной зову,
а в Отчий дом уже давненько
вхожу во сне, как наяву.

***

Деревенька моя родная,
Без тебя же всегда одна я.
Без частушек твоих и песен
Круг друзей стал не мил, а тесен.

Деревенька моя, родная,
Зори детства пила до дна я,
Умываясь лесной росою,
Любовалась твоей красою.

А ещё и твоею рожью,
Что шепталась по воле Божьей.
Я глазами её искала,
Только ржи той уже не стало.

И сама ты в заросшем поле
Стала золушкою в неволе,
Где провалами старых окон
Утонула в густой осоке.

Ты давно мне ночами снишься
Белоснежной, но грустной вишней,
От бандитской, наверно, стужи
Оказалась стране не нужной.

Деревенька моя, родная,
Я тобой до сих пор больная,
И, Былое во сне рисуя,
По тебе так давно тоскую.

КАК В ВОЙНУ

Под влиянием угнетающего
вида развалин станции Матюшино

Из окна электрички проездом
деревеньку свою увидал,
и глазам не поверил: как в бездну
нищеты Край мой отчий упал.

Гибнут сёла в Руси повсеместно,
коллективный труд отжил свой век,
видно, им с демократией тесно,
и они превратились в калек.

Помню, там за грибочками летом
я когда-то меж сосен бродил,
опьянённый занятием этим,
походил на коня без удил.

А теперь от былого колхоза
лишь домишко остался один,
он, как старенький бомж, не ухожен
и одет в паутину седин.

С укоризной провалами окон
на прохожих смущённо глядит,
и каким-то неведомым оком
рану в сердце моём бередит.

Без войны разрушаем деревни,
рубим сук, на котором сидим,
нас, по сути, взрастившее древо
жизни, канувшей в Лету, как дым.

***

Сладкой болью под жизни занавес,
на обломках тревожного сна,
незаметно возникла заново
босоногого детства весна.

Деревенька, уже забытая,
сквозь туманное та́инство лет,
реформаторами добитая,
принесла вдруг нежданный привет.

Закаляла она, учила нас
в годы страшной войны выживать,
вести с фронта тоской мучительной
на печи не давали лежать.

На рыбалку украдкой, помнится,
вечерами от мамы сбегал,
незаметною птицей пó небу,
обо всём забывая, летал.

Шалость детскую с умилением,
киноплёнкою в сердце кручу,
а нахлынут в душе сомнения –
вновь в неё окунуться хочу.

***

Ныне вновь на Руси Белокаменной
на виду богатеи Потанины,
а в глуши, до сих пор неприкаянной,
как в военные годы, развалины.

Повсеместно с былыми деревнями,
что полями колхозными славились,
сорняки, словно вороги древние,
бесшабашно и нагло расправились.

Может, это кому-то и выгодно,
чтоб земля оказалась бесхозною,
ведь любая невеста на выданье,
меньше стоит, когда не ухожена.

Под совсем обветшалыми крышами
стала символом невезучести,
поделённая меж нуворишами,
ожидает неведомой участи.

Но земля – это ж наша кормилица,
наша гордость и наше смятение,
у господ современных в немилости,
а быть может, по их же хотению.

ЖИМОЛОСТЬ

Незаметною с виду золушкой
От людей схоронилась жимолость,
Обрамляя родное полюшко,
Лишь которым издре́вле живы мы.

Ох, горька на вкус эта ягода,
Видно, доля была не сладкою,
По себе знаю: вот и я года
По тропе судьбы без оглядки нёс.

Впрочем, всё у нас относительно,
И не ценим жизнь так, как надо бы,
Зачастую и свои силы-то
Тратим попусту, лечим БАДАМИ.

А ведь жимолость – витаминов клад,
Хоть и горькая, но полезная,
Перед ней склонить я колени рад,
Прославлять стихом, да молебнами.

ЗИМА

Незаметно зима без напутственных слов
По хозяйски укрыла все стыки углов,
Для того, чтоб игрушкам получше спалось,
Даже если случайно разбудит их лось.

Новый год по Руси деловито идёт,
И детишкам подарки с собою несёт.
Разбросал жемчуга на полях Дед Мороз,
Оставляя на окнах следы белых роз.

Он, берёзки укрыв серебром паутин,
Превратил хвойный лес в галерею картин.
От такой красоты трудно взор оторвать,
Вот и хочется словом её рисовать.

***

Тихо на кладбище, камни могильные
молча стоят, как толпа стариков,
резвость которых забвением сгинула
в день похорон у подножья веков.

Им прикоснуться, наверное, хочется
к сердцу когда-то любимых детей,
но поостыли, и нет прежней мочи-то
на проявление этих страстей.

Кто-то из них наклонился, устал уже,
нету из давних друзей никого,
кто ещё сам не загнулся от старости,
(в жизни бывает и не до того).

Вот и влечёт посидеть в одиночестве,
нежно прижаться к Былому душой,
тихо шепнув ему: «Ваше Высочество,
Вы где-то рядом и всё хорошо».

КАРТИНА МАСЛОМ

Крылатая фраза Гоцмана из к/ф «Ликвидация»

Шагал Дед-Мороз и на зе́млю чудом
Ложилась звенящая тишина,
Остыли деревья, а с ними люди,
Скукожилась даже в ночи луна.

Тихонечко скрипнула вдруг калитка
И замерло снова буквально всё,
Лишь где-то хрустально запели слитки,
Которые в детстве, как мёд, сосём.

Запели они вдруг и в сердце снова
Какой-то пленительной гаммой чувств,
Как будто бы вновь у родного крова
Обнял я рябины янтарной куст.

Но это же, право, «Картина маслом»,
Так милая сердцу Святая Русь,
Как жаль, что я живописать не мастер,
К тому же, за кисть давно не берусь.

***

Несметным богатством щедра наша осень,
Куда взгляд не кинешь, повсюду янтарь,
И сердце само ненавязчиво просит
Украсить увиденным свой календарь.

Осенней порой прихожу я к осинке
И глаз от неё оторвать не могу:
Рубином горит, как ночная лучинка,
Собой согревая глухую тайгу.

И хочется это, как алые розы,
Прижать незаметным движеньем к груди.
Вот также, наверно, и девичьи грёзы
Всегда будоражат заветным «приди».

И я прибегу, даже если на свете
Опять затаится нежданная грусть,
Зажгу для тебя фонари от рассвета,
Которыми славится милая Русь.

***

«Повяла деревня,
как подрубленный корень»
(В. Распутин)

Деревня на дерево чем-то похожа,
Не долго живёт без глубоких корней,
Без них увядает «шагреневой кожей»,
Без них – это в море маяк без огней.

Без твёрдой руки и хозяйского стержня
С годами скудеет родительский кров.
Он будет селянами даже отвержен,
Как старый коровник без добрых коров.

Зачахла моя деревенька родная,
Гуляет по улицам только бурьян,
Пойду, постою у родного окна я,
Где в юности, помню, резвился баян.

Как трудно из памяти вынуть Былое,
Оно пред глазами повсюду со мной,
Осело на сердце заснеженной мглою,
Как будто и нету занозы иной.

***

По заброшенному селенью
Разгулялся лихой бурьян,
Не от Божьего повеленья –
Оттого что Владыко пьян.

Он хотел отдохнуть немного
От нависших людских сует,
Подустали, наверно, ноги
Мерить спóлохом белый свет.

Но к страданью застыло время,
Как в холодной ночи луна.
Всё не вечно, коммуны бремя
Отслужило свой век сполна.

Гибнет старенькое строенье,
Покосилось его окно,
И остыло былое пенье,
Нашей молодости вино.

Но кому это было нужно –
Лишь тому, кто хотел погреть
Свои руки в колхозной луже,
Чтобы в горе людском гореть

Затаённым в душе богатством,
О котором мечтал во сне,
И давно уже со злорадством
Тихо гадил своей стране.

И не важно, с каким билетом,
С большевистским, а может, без,
Свой пирог, по собачьи, метил,
Как приблудный паршивый бес.

И теперь сколько пота надо,
Чтоб деревни с колен поднять,
У опоры, начавшей падать,
Очень трудно забор менять.

***

«В сумерки деревья сливались
в косматую толщу»
(Тобол, А. Иванов)

Деревья безмолвно сливались
В большую косматую толщу,
Нея́сыть младенцем смеялась
И в су́мрак урчала без толку.

Казалось, что где-то чуть слышно
Шептались нарядные ели,
А кедры таинственной вышкой
Скрипели в ночи еле-еле.

Порою протяжные вздохи,
Да всплески беззвучного смеха
Сменяли причудливый хохот
Ночного таёжного цеха.

Под утро он вдруг величаво
Затих под таинственной синью,
Тайге нет конца и начала
В просторах великой России.

***

Как позёмка, осенние тучи
мимо кладбища скорбно ползут,
и с заоблачной пасмурной кручи
в Мир иной неотвязно зовут.

Покосились могильные плиты,
и с укором на небо глядят,
там, поди, у Небесной элиты,
меж собой Херувимы галдят.

И, наверное, тоже воруют…
С головы всё гниёт, аль не так?
Не случайно Иуда, не вру ж я,
свою верность продал за пятак.

Вот такие, как он, ныне роем
рвут на части народный пирог,
и, пока ему косточки моем,
примеряют лавровый венок.

Потихоньку уже продаётся
коллективная в прошлом земля,
то, что Родиной нашей зовётся, –
реки, горы, леса и поля.

***

У Чубайса месячный оклад – 2 млн. руб.
(Вести недели, 14.04.2013 г.)

Величава и скромна
Матушка Россия,
Вроде нет алмазам дна,
А живёт вполсилы.

В удивительной стране –
Каждому по Божьи,
Всё ведь есть: и газ и нефть,
Но и бедность тоже.

В среднем, очень хороша
У людей зарплата.
Только все ли в барышах?
У иных – заплаты.

У Чубайса, вон, оклад
Целых два «лимона»,
На словах он всем бы рад
Дать по миллиону.

А на деле, тысяч пять
Порешил, что хватит,
И «костлявая» опять
У печи с ухватом.

О доходах говорить
Можно усреднённо,
Знать, кто стал страну «доить»,
Лучше поимённо.

ПОЗДНЯЯ ЛЮБОВЬ

Коротка уж очень лета Благодать,
Рвётся в гости осень людям погадать,
И рисует кистью увяданья грусть –
Золото на листьях, чем богата Русь.

По заветной тропке поспешаю в лес,
Где рябины робко пляшут полонез.
Вижу царство Божье прямо наяву,
И в уме итожу всё, чем я живу.

Проплывают мимо старые пеньки,
Как в потехе милой давние деньки.
Сколько их осело средь потерь моих,
И в раздумье сел я на один из них.

Всюду на болоте, глаз не оторвать,
В чудной позолоте клюквенная рать.
А, быть может, это заалела кровь
Увяданья лета, поздняя любовь.

ЛЕТА ДЕТИ

Осень. Тихо брожу по лесу,
Наслаждаясь его красой,
И, как доброй от Бога вестью,
Умываюсь святой росой.

Припев:
Золотые деньки вот эти
Расцветают, как лета дети,
И торопят в лесную сказку,
Где лишь только любовь да ласка.

Там, я знаю, кукушку встречу.
Сколько лет подарит она?
Много ль, мало, но этот вечер
Выпью вместе с тобой до дна.

Разукрасить опять стихами
Захотелось стволы берёз,
А они вдруг немедля сами
Стали фабрикой милых грёз.

Как смятенье, по всей России
Полыхнули огнём рябин
Деревеньки, мои росинки,
Из забытых страной глубин.

***

Цените матерей, цените,
Не после смерти, а сейчас,
У них, хотя нет прежней прыти,
Свеча всегда горит за нас.

Лишь только мать смягчить сумеет
Детей своих ошибок груз,
И даже их подкрасит мелом
Для сохраненья брачных уз.

Как жаль, но в жизни очень часто
Не ценим этой доброты,
Порою с миною несчастной
Капризно рвём судьбы листы.

А матери всего-то надо
Чтоб счастье в дом детей вошло,
И, если вьюга стонет рядом,
Их обогреть своим теплом.

Без матерей ржавеют нити
Любви и вечного добра,
Без них надёжных нет укрытий,
Как петуху от топора.

Цените матерей, цените…

***

Бывают мосты любви,
А есть и мосты планеты,
У нас, Россиян, в крови,
Наверно, давно всё это.
Невиданный в мире мост
Построен в Азовском море,
Хотел бы сейчас в мажоре,
Поднять за него свой тост.

Припев:
Мечтали о нём веками,
И был этот мост легендой,
Теперь он стоит пред нами
Изящною звёздной лентой.

Восстал он, как исполин,
Из древних глубин над морем,
Встречая туман и зори
По весям седых былин.
Подобное средь планет,
Наверно, искать не стоит,
Сказал бы любой поэт,
И выпил за это стоя.

Мне кажется, мост повис
Над Керчью былинным чудом,
И, словно весенний бриз,
Стал новым морским этюдом.
Собою связался Крым
С российской семьёй единой,
И верностью лебединой,
Дыханье моё с твоим.

ЛЕСНОЙ ГЛУБИНКЕ

Рядом лето, поездка в горы.
Отчего же такая грусть?
Не иначе, в окно с укором
Постучался сирени куст.

И я снова к лесной глубинке
Прикоснуться готов душой,
Чтоб расплавить на сердце льдинки
От суéт на земле Большой.

Любоваться великой Далью
И озёрною синевой,
Влезть на кромку её вуали,
Не взирая на чей-то вой.

И вдруг понял, что с этим дивом
Необъятной своей страны
Напрочь связан судьбой единой,
Без которой и сны тесны.

Рвать такую вязь каждый волен,
Даже если себе назло.
Я же Русью Святою болен,
Разве в этом не повезло?

ЭТО ТЫ, ЭТО Я

Заблудилась в тайге кружевница река,
загляделась на милые ей облака,
на луга и на их необъятный простор,
на влюблённый в неё с давних пор косогор.
Это наша Конда, без неё никуда,
это ты, это я, это Мортка моя.

Полыхал по лесам здесь недавно пожар,
раздавая селянам лихой беды жар.
Озирались от страха лиса и бобёр:
гибнул древний бесценный целебный ковёр.
Это тоже Конда, без неё никуда,
это ты, это я, это Мортка моя.

Почему-то былые заводы стоят
и с укором на новых хозяев глядят.
Упованье на Бога осталось теперь,
в нашей церкви открыта к нему уже дверь.
Но укрыться и в ней от ненастья нельзя,
закручинилась милая Мортка моя.

Только в сердце ещё не погас огонёк,
согревает надежда: рассвет недалёк.
Тучи рано иль поздно, но всё же уйдут,
и посёлок оденется в прежний уют.
Засияет звезда и над ним, верю я,
станет снова жемчужиной Мортка моя

***

Благословен Кондинский край,
обитель сосланных когда-то,
которым это был не рай –
сплошная глушь, приклад солдата.
Кому тогда жилось легко
в сырой холодной глухомани,
под завывание волков
и колдовство седых урманов!
Хозяин этих мест, медведь,
привык себя считать Главою,
но знал, что за браваду впредь
мог поплатиться головою.
Стерёг владений рубежи
и метил их своей указкой,
а на межи крестьянской ржи
смотрел с ревнивою опаской.

К вогуличам давно привык
и с ними, худо-бедно, ладил,
тогда вогульский князь Лятúк
Кондинскою землёю правил.
Князья дрались между собой,
не до медведя, видно, было,
вступая с Рýсичами в бой,
порою до Перми ходили.
Разбоем жили и войной,
в полон чужих красавиц брали,
все споры ладили вином
или копьём на поле брани.
Лисица, соболь, горностай
тогда водились в изобилье
и все мурзы, Артю́к, Агáй,
их чуть ли не руками били.
Но проще было брать «ясак»
с того, кто находился рядом,
и, в основном, за просто так:
ума для грабежа не надо.
Но это было так давно
и стёрлось в памяти, однако,
истории веретено
былое возвращает раком.

XXI ВЕК

Откуда-то пришли князья,
скупают потихоньку земли,
оравы нового жулья
торгуют Родиной за зелень.
Рекой широкой нефть и газ
текут по трубам за границу,
и вот уже в который раз
указы раздаёт столица.
Она же россиянам мать,
но там опять на сцене «сливки»,
которых, надо ли скрывать,
пьянит вкус газовой наливки.
А до селян им дела нет,
они их попросту не видят,
лишь иногда под звон монет
поразглагольствуют для виду:
что в сёлах дефицит дорог,
нужны они, но много стоят,
а денег мало, видит Бог,
Олимпиада ждёт их стоя.
И надо донести огонь
её сквозь льды на самый полюс,

и что факелоносцев гон
пора раскручивать «по полной».
А газ тихонько стороной
обходит наши поселенья,
по ним, так вышло, в Мир иной
давно дано Благословенье.
Вот и бесчинствует развал,
былые свинофермы гибнут,
и дом, который я Отчизной звал,
сказали мне, «до ветра сгинул».
В колхозном поле лишь сорняк
теперь господствует бесчинно,
быть может, это и пустяк,
но сердце холодит кручина.
Ян Френкель, помнится, не мог
налюбоваться *«Русским полем»*[*],
не ведал он, какой итог
ему сподоблен был. До коле?
Сказать до коле не берусь,
на все премьеры воля Божья,
но верю, что Святая Русь
порвёт путину бездорожья.

---

[*] *Песня Яна Френкеля.*

И вместе с ней Кондинский край,
когда-то вотчина медведя,
в обнимку с городом Урай
сумеет вкус побед отведать.
Вон, протянули ж сквозь тайгу
для нас железную дорогу,
порою в слякоть и в пургу,
простые люди, а не боги.
И мы гордиться будем тем,
что прожили не зря на свете,
дворцы построим, а затем
передадим их нашим детям.

ЖИВАЯ ВОДА

Всю ночь шелестела дождя пелена,
Под утро притихла, но не было сна.
Всё тело сковала коварная лень.
(В сырую погоду кому нужен день!)

А дождь, мне казалось, совсем обнаглел,
за тучей дырявой был грозен и смел.
Весь мир потерялся в кромешной ночи,
но жить всё же надо, ворчи-не ворчи.

Хотя неохота, придётся вставать,
и я с сожаленьем взглянул на кровать…
А та ненавязчиво манит к себе,
ну прямо совсем как таинственный бес.

«Поспать бы немного, – подумал, – пока
По крыше лихой дождь даёт трепака».
Тут сладко зевнул я, забыв обо всём,
Упал с головою в навязчивый сон.

Мне снилось забытое детство и мать,
Которую вновь захотелось обнять,
Всё то, что давно растворилось, как дым,
Но греет и в стужу сердца пожилым.

Родные пенаты – вот то, что всегда
Усталому сердцу живая вода.

***

Ароматы таёжных крон,
Заповедные стаи сосен,
О любви глухариный стон,
Золотые тропинки в осень.

Это наша с тобой тайга,
Это лёгкие всей планеты,
Где лихою зимой пурга
Шлёт великой стране сонеты.

Спит медведь в эту по́ру, но
И во сне сторожит владенья,
Занавесив своё окно
Плёнкой ра́дужного виденья.

На Великой Руси давно
Это символ былинной мощи,
В то же время в Краю лесном
Нет медведя добрей и проще.

И всё это – моя тайга!
Надышаться возможно ль ею?
Не случайно, в её снега
Окунаясь, душой светлею.

***

«Любуясь росной неоглядью»
(А. Иванов «Тени исчезают в полдень»)

Заневестилась Даль Великая,
Наша росная Неоглядь,
Для кого-то, быть может, дикая,
А по мне так – Родная мать.
Я её целовал и пестовал,
Сквозь невзгоды в душе пронёс,
Без неё не хватает места мне
И могу заскулить, как пёс.

Ты такая одна, родимая,
Дорогая ты наша Русь,
Трудно станет, – опять роди меня,
И я песней к тебе вернусь.
Окунусь в синеву озёрную,
Из тумана вуаль свяжу,
И скупыми словами-зёрнами
Свой роман о Былом сложу.

Загляжусь в твою ширь бескрайнюю,
В даль плывущие облака,
К ним в погожее утро раннее
Прикасаясь издалека.
Любоваться тобою трепетно,
Сколько помню себя, могу,
Упаду если в землю, встреть меня
Незабудкою на лугу.

И со мною восстанет заново
Всё, что ка́нуло в глубь веков:
Исполинских свершений зарево,
Козни тайных Руси врагов.
Их водилось немало и́здавна,
Почитай, со времён Петра,
Книг немало об этом и́здано
И доверено злым ветрам.

Русь пугала болотной тиною,
Где на страже маячил кедр,
Но манила к себе пушниною
И дарами сибирских недр.
Уживались в ней вера в идолов
С исповеданием Христа,

Старина не хотела, видимо,
Танцевать под царёв Устав.

Он же был до сих пор неслыханным:
Брить лицо и носить парик,
Отчего становилось лихо всем,
Кто не дело ценил, а крик.
Вот тогда-то и резать бороды
У спесивых бояр пришлось,
Избавляясь от тех, кто во́ром был
Или просто жил на авось.

Нелегко далось Петру первому
Завершенье своих реформ,
Не жалел щедрот он для верных слуг,
Для предателей – эшафот.
Не щадя себя, строил город свой,
Да невиданную страну,
Обнимая с завидной гордостью,
Словно сказочную княжну.

Шли года, вместе с ними за́ново
Перестраивалась Сибирь.

Средь народа, в неё «много званого»*,
Воцарился желанный мир.
Не иначе, рукой Всевышнего
Ныне к нефти открыта дверь,
Дар, который совсем не лишним стал
Тем, кто выжил ценой потерь.

Я любуюсь землёй Кондинскою,
Мил величественный Тобол,
Где на стаю князьков воинственных
Страх великий Ермак навёл.
И, листая века истории,
Вновь готов на колени встать
Перед доблестными Викториями,
Совершёнными Русью встарь.

И всегда, глядя в Даль Великую,
Вспоминаю наказ Петра:
Жить в ладу со святыми ликами,
Не щадя своего нутра.

---

* *А. Иванов «Тобол Много званых».*

Стихи -
крохотки

***

О ненасытном животе

Смеёмся над ним, над его аппетитом,
ругаем за то, что он так ненасытен.
Но больше всего мы о чём сожалеем? –
Что нет аппетита, когда заболеем.

***

О себе

Как все, я мог бы стать счастливым,
но страсть нелепую имел:
писал о том, чем люди живы,
спиною внемля: «Как посмел»!

***

О стихотворении

Зачем читать стихотворенье,
когда оно не лезет в уши,
стихи – не сладкое варенье,
не плов, который любим кушать.

***

Про гвоздь

Он, как Боярский, всюду в шляпе,
и, если к стенке не приколот,
готов пожать любую лапу,
в которой вновь увидит молот.

***

О колуне

Доволен, что совсем тупой,
(у каждого своя услада),
и хорошо, что он такой,
ведь колуну ума не надо.

***

О пиле и ещё кое о чём

Гордится острыми зубами,
и крокодил её кумир,
порой и мы готовы лбами
под звон монет крушить весь мир.

***

О котёнке

Удивительно мягок и ласков,
серенады поёт, словно Басков,
коготки и во сне своём точит,
вышивать даже б мог, но не хочет.

***

Нам ТВ не только ящик,
это «чёрная дыра»,
ибо там вчера, как в чаще,
заблудился до утра.

***

Про пожилого человека
иногда говорят: «Старый пень!».

Устал за долгий путь, не рад уж ничему,
прилечь бы отдохнуть, и руку протянуть
в Былое хоть на день, мечтает старый пень.

***

Любовный роман сочиняется молча,
в молчанье сидим у ночного костра,
а если вдруг слышится ария волчья,
понятно без слов: не хватает добра.

***

Волк в лесу, когда один,
далеко не господин,
не нашёл себе жену,
вот и воет на луну.

***

«Не лезь ко мне, ведь я к тебе не лезу, –
насупившись на всех, стоит забор, –
Я для того, чтоб здесь ходили реже
друзья там разные, не только вор».

***

Про Интернет

Мой друг сказал мне в шутку,
что есть такая хрень:
присел лишь на минутку,
а потерял весь день.

***

День устал, улёгся в ночь,
и, наверное, не зря:
родилась под утро дочь, –
раскрасавица заря.

***

Сосулька снежная мечтает,
наверно, тоже о любви,
весною, как и люди, тает,
зимою мерзнет, «C est la vie». (франц.)

***

О летнем ливневом дожде

Робко и нежно прошёлся по крышам,
замер нена́долго, как знатный вор,
и, от хозяев ответ не услышав,
лихо раздвинул небесный затвор.

***

О собачьей любви ходит много легенд,
всевозможных преданий и толков,
человеку собака – подарок, как бренд
в круговерти грызущихся во́лков.

***

Лесть для уставшего тела бальзам,
днём, да и ночью, её б кушал сам,
правду, хоть это намного важнее,
видеть хотел бы, но только во сне я.

***

Подлость познаешь, не лезь отомстить,
самое лучшее подлость простить,
недруги вряд ли такое поймут,
злобой напьются и с горя помрут.

***

В бывших, битых не влюбляются,
их обходят стороной,
и общаться-то стараются
с ними лишь за их спиной.

***

Шёлк волос твоих – как диво,
это ж, право, гордость наша,
но он, если вместе с кашей,
почему-то так противен.

***

Многоточие, по сути,
заповедные слова,
если сможешь их распутать,
закружится голова.

***

Все беды, как правило, ходят по кругу,
одни утихают, другие растут,
а всё оттого, что не слышим друг друга,
не знаем, не видим как Боги живут.

***

Когда в плену своих эмоций,
в тоннеле нет дневного света,
и даже добрые советы
кусают, словно злые осы.

***

Насмешка и шутка летят с языка
довольно легко, как птица,
а доброе чувство ползёт кое-как,
чего-то всего боится.

***

Всё, что вверх легко бросается,
рано ль, поздно ль, вниз летит,
это, кстати, всех касается,
или, скажем так, почти.

***

Не води с начальником дружбы,
обнимай все его слова,
если ты у него на службе,
твёрдо помни: лишь он Глава.

***

Голос совести – голос Бога,
только лучше его не трогать.

***

Нет правды на Белом свете.
но это же хлеб поэта.

***

Несладко быть женой поэта,
а ей, скажите, надо это?

***

Тропа, по которой уже не ходят,
травой зарастает быстро,
всё так быстротечно, что наши годы,
как дым от костра да искры.

***

Человек счастли́в всегда,
если сам того желает.
Только зависть обуздать
очень трудно – нервы «лают».

***

Себе объяснить не можем
проступки свои былые,
исправил бы я их тоже,
и с новыми снова плыл бы.

***

Уходит соратник, слышу,
что много имел врагов –
ворчать надо было тише,
зазря не ломать рогов.

***

Битой собаке покажи только плеть,
и она перестанет лаять,
кто из нас хочет новый скандал иметь,
если в сердце обида злая.

***

Не ждал похвалы, и вдруг услышал,
хотя приготовился к новой беде,
и, так резанувший окрик «свыше»,
исчез сам собой, как плевок в воде.

***

«Снежною ночью в лихую замять»
(С. Есенин)

После нас в этой жизни главным
остаётся лишь только память,
сквозь года она может плавно
въехать ночью «в лихую за́мять».

***

Видишь женщину миловидную,
обойди её стороной, –
в жизни нет ничего обиднее
жить с неверной тебе женой

***

Всё же классная эта штука –
электрический выключатель:
мимоходом легонько стукнул,
и включился обогреватель.
Хорошо б и для нервов тоже
нечто этакое придумать:
одолели – щелкнул по коже,
чтоб все беды, как ветром, сдуло.

ПУТЬ К УСПЕХУ

Внучке на 10 лет

Хорошо иметь друзей,
Плохо жить без смеха,
Но по мне, – всего важней
Трудный путь к успеху.

***

В районе юбилей, повсюду
гремят фанфары в его честь,
ликует льстец, – за лесть не судят
и норовит из кожи лезть.

Нередко, всем на удивленье,
красивой фразою сорит,
а сам лишь о переселенье
из этих мест душой горит.

***

Не спеши о себе узнать правду,
Все сомнения тщательно взвесь,
Очень плохо быть в чём-то неправым,
Хуже – кушать коварную лесть

***

Всё, что было когда-то,
Переехало в сон,
Юбилейные даты –
Нашей памяти стон.

***

Казалась такою сладкою,
рвал пока её украдкою,
а как стала всем доступною,
пчёлам крикнул вдруг: «Ату её!»

***

Скорым был он, словно пламень,
Да и твёрдым, как креме́нь,
С ног свалил не вражий камень,
А всего лишь просто лень.

***

Время сожрёт нашу память о них,
Время – истории топка,
Не преходяще лишь вечный триптих:
Песни, застолье и водка.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора 3

Раздел лирики «Сны, в которых ты рядом» 5
Июльская краска 6
Встречая февраль 7
Где тебя целовал 8
Радугой жизни 9
Самая заветная 10
Одна только ты 12
«На изломах судьбы мне стала…» 13
Моё украшенье 14
Благодарю 16
«Я ж не выдумал тебя…» 17
«Сердцем, вижу, к тебе приколот…» 18
Встреча случайная 19
«Жизнь без любви похожа…» 20
«Что лучше песни под гитару…» 21
Струны тайги 22
«Вечерком у костра в темноте…» 23
«Отшумела гроза…» 24
Завяжись в узелок 25

Осталось малость 26
«Опять зима лебяжьим пухом…» 28
«Оглянусь на прошлое и уйду…» 29

Раздел надежд и сомнений 31
«Если летнею ночью не спится…» 32
«Не прошу я у Вас любви…» 33
«У добра есть цена такая…» 34
«Не надо крупными глотками…» 35
«Гримасы жизни не бессмысленны…» 36
«До весны ещё жить да жить…» 37
«Доброе слово и кошке приятно…» 38
«Время течёт рекой…» 39
«Жизнь бежит без остановки…» 40
«Всё уходит легко, бесшумно…» 41
«Как-то просто и незаметно…» 42
«Милы ли родины просторы…» 43
У себя свою нежность украли 44
«Мы ценим лишь то…» 46
«Всё возможно потерять…» 47
«Трудно из жизни своей что-то вычеркнуть…» 48
«Как поросёнок в мешке…» 49

Зависти медальон 50
С колодой краплёных карт 51
«Всё приемлю…» 52
Сквозь свой неуспех 52
«Ночь на исходе, никак не усну я…» 53
Отшумела гроза 54
По бабьи 55
«С годами лишь истину понял…» 56
«Сколько лет миновало, пора бы…» 57
Когда свой язык мешает 58
«Уменье льстить и людям нравиться…» 59
С улыбкой 60
«Скажи, сколько весят любовь и мечты…» 62
«Слово, как масло в светильнике…» 63
«Старость пришла порошею…» 64
«Те, кто пишут стихи…» 65
Быть бы живу 66
«Устали мы уже бороться…» 67
«Никогда не погаснет истина…» 68
О теракте в Санкт-Петербурге 69
«Я покрылся налётом времени…» 71

«Коль хочешь остаться чистым…» 72
Невидимыми гвоздями 73
«Удивительна, всё-таки, жизнь…» 74
«Ты ещё молода, красива…» 75
«Ты решила сломить мой дух…» 76
«Как-то странно туман закачался…» 77
«Каждый топчет свою тропинку…» 78

Раздел, посвящений друзьям и соратникам 79
Нет на свете награды милей 80
Ода женщинам ДК Мортки 82
С годом свиньи 84
В золотую Мекку 86
На Юбилей «Районки» 87
Божественным светом 89
От моби́л отдохнуть 90
В семейном колье 91
Навсегда запомнил 92
Родня 94
Какая женщина! 95
Мы благодарны тебе 97
Начало начал 100
Людмиле Филиповой 101

Вода и огонь 102
В меру молчалива 104
Немного со страхом 105
Татьяне Демидовой 106
Валентине Крестьянниковой 107
Надежде Сысоевой 108
Александру Васильеву 109
«Её ду́шу никто не поймёт…» 110
Любови Ладейщиковой 111
С твоим нектаром 113
Внуку Мирону 116
Про свой Новый год 117
На Юбилей Мелкозёровой Н.В. 118
На своей передовой 120
Надейся и жди 122
Валентине Федорцовой 124
Людмиле Смоляниновой 126
Как любила она Россию 127
Заглушая любви аккорды 129
Малёваной Галине Николаевне 130
Твоей жизни колокола 132
Григорьевой М.И. 133
«Ворон ворону глаз не выклюнет» 135
Слишком поздно 136

Раздел юмора 138
«Пусть волки воют на луну…» 139
«Ползут в посёлке толки…» 139
«Новогоднюю я ёлку…» 140
«Я люблю его до боли…» 141
Как бы 142
В семейной ласке 143
«Дед принёс починить телефон…» 144
«Не ходит беда в одиночку…» 146
«Кому интересен бегун в хвосте…» 147
«Острые боли без всякого спроса…» 148
«Не давит на нас ничего сильней…» 149
Мой грех 150
«В больничной палате…» 151
«Рыжей осени карета…» 152
«Стакан воды всего дороже…» 153
«Нам нравятся и мы нравимся» 153
«Все у нас живут в достатке…» 155
«От зарплаты живу до зарплаты…» 156
Для галочки 157
«Мне с каждым годом всё труднее…» 158
«У каждого своя чудинка…» 159
«Постарел, о любви не пишется…» 160

Хотя бы поахать 161
«Мечтать, конечно же, не вредно…» 162
«Над озером синею дымкой…» 163
Несказанных порывов том 164
«Пора уж выглядеть мудрее…» 165
«Мне хочется…» 166
И многое не… 167
Сквозь поленницу лет 168
«Кому нужна такая жизнь» 169

Раздел ностальгии «Отчий дом» 171
Отчий дом 172
«Деревенька моя родная…» 173
Как в войну 174
«Сладкой болью под жизни занавес…» 175
«Ныне вновь на Руси белокаменной…» 176
Жимолость 178
Зима 179
«Тихо на кладбище…» 179
Картина маслом 180
«Несметным богатством щедра наша осень…» 181

«Деревня на дерево чем-то похожа…» 182
«По заброшенному селенью…» 183
«Деревья безмолвно сливались…» 185
«Как позёмка, осенние тучи…» 186
«Величава и скромна…» 187
Поздняя любовь 189
Лета дети 190
«Цените матерей, цените…» 191
«Бывают мосты любви…» 192
Лесной глубинке 193
Это ты, это я 195
«Благословен Кондинский край…» 196
XXI век 198
Живая вода 200
«Ароматы таёжных крон…» 201
«Заневестилась Даль Великая…» 203

Раздел миниатюр «Стихи-крохотки» 207

Подписано в печать 18.02.2021 г.
Объем 14,3 уч.-изд. л. Формат 60x84/16.
Бумага офсетная. Тираж 100 экз. Заказ №6022.
Отпечатано «Новый формат» (ИП Колмогоров И.А.)
656049, г. Барнаул, пр-т Социалистический, 85,
тел.: (3852) 36-82-51, 8-800-700-1583
сайт: типография-новый-формат.рф